

Защитить чисташице

Александр
Марков

секретный фаворит

Секретный фарватер (Вече)

Александр Марков

Зачистить чистилище

«ВЕЧЕ»

2014

Марков А. В.

Зачистить чистилище / А. В. Марков — «ВЕЧЕ»,
2014 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8714-3

События истории Первой мировой войны, описанные в этом романе Александра Маркова, отличаются от реально происходивших во многом благодаря тому, что в действие опять вступает особый отряд под командованием Николая Мазурова, запомнившийся читателям по книге «Там, где бродит смерть...». На этот раз перед российскими штурмовиками стоят невыполнимые, казалось бы, задачи: им предстоит атака на неприступный форт «Мария Магдалена» и смертельно опасная схватка за остров Рюгхольд.

ISBN 978-5-4444-8714-3

© Марков А. В., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Пролог. Небо над Берлином	6
Часть 1. Форт «Мария Магдалена»	10
1	10
2	20
3	23
4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Владимирович Марков

Зачистить чистилище

© Марков А.В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Пролог. Небо над Берлином

От второго пилота несло бензином, как от заправщика автомобильной станции, и, когда он заходил в рубку управления, этот отвратительный запах начинал щекотать ноздри. Он теперь постоянно оставался в воздухе. От него начинала кружиться голова. Клейменову стали приходить мысли разбить лобовое стекло аэроплана, чтобы впустить в кабину эти чистые, белые, как пух, облака, через которые они летели вот уже несколько часов.

Аэроплан, нагруженный бомбами и дополнительными баками с топливом, установленными в салоне, так что там и не развернуться стало, напоминал бочку с порохом и был куда опаснее ядра, на котором барон Мюнхгаузен отправился осматривать турецкие позиции.

Система подачи топлива к двигателям через пару часов полета дала течь. Второй пилот измучился, пока ее починил, сам испачкался и одежду испачкал. На полу салона сейчас должны быть лужи испаряющегося бензина – без противогаза, пожалуй, и не вздохнешь, а если побудешь там немного, то начнутся галлюцинации.

Иногда в разрывах облаков мелькали силуэты других аэропланов, похожие на огромных рыб, рыскающих в воде в поисках добычи. Забравшись слишком далеко на территорию противника, они вынуждены были молчать и не вели радиопереговоров, чтобы не выдать себя, поэтому Клейменов не знал, все ли из девяти аэропланов с ним. Даже если останется хотя бы один, он все равно с настойчивостью одержимого будет держать курс на Берлин, пока его не собьют или пока он не вывалит на город тонну смерти, которую несет в своем трюме.

Впрочем, их совсем не обстреливали, когда они миновали линию фронта, и чем дальше летели, тем слабее становилась противовоздушная оборона германцев, а возле Берлина, по сообщениям разведки, и вовсе не было зениток и эскадр боевых аэропланов.

Как же приятно ощущать, что они все еще шли стаей, что зенитный огонь не разметал их, что их не рассеяли истребители германцев!

Клейменов чувствовал себя неуютно в этом аэроплане, где кроме него был только второй пилот. Ведь обычно в экипаже было восемь человек и, случись что, каждый мог занять позицию за одним из семи пулеметов. Тогда к нему не подобрался бы ни один истребитель, но пришлось пожертвовать безопасностью ради того, чтобы взять на борт побольше бомб и топлива.

Поначалу крылья покрылись изморозью, потом чуть обледенели, как и стекло кабины, и поэтому казалось, что они всего за несколько часов попали из осени в зиму.

Он видел всполохи света, отражавшиеся на облаках, ощущал раскаты грома. Но это было несколько часов назад, а теперь его окружало только убаюкивающее урчание двигателей.

Клейменов уже давно поглядывал на часы, прикидывая, когда первая волна аэропланов, отправившаяся в этот путь на час раньше их, должна добраться до Берлина.

Он не услышал, как хлопнула дверь, отделявшая рубку управления от салона, но почувствовал, что второй пилот вошел, потому что запах бензина стал просто невыносим.

– Вы не устали, Сергей Иванович? – второй пилот сел рядышком в кресло.

Нет ничего невыносимее сидеть без дела и ждать. Второй пилот просто хотел занять свободное время пустым разговором.

– Нет, Александр Васильевич, – сказал Клейменов, морщась.

– Небо облачное. Нам повезло.

– Постучите по дереву. Главное-то еще впереди.

– Уже стучу. А все-таки синоптики – молодцы. Удивительно точно выбрали время для налета. И не знаю, удалось бы нам без облаков незаметно пролететь через неприятельские позиции.

В его голосе был юношеский восторг, будто они отправились не на опаснейшее задание, а на загородную прогулку. Второй пилот был моложе Клейменова на десять лет, а летную школу окончил всего три месяца назад, но, несмотря на то что уже участвовал в нескольких налетах, кажется, все еще не понял, что война далека от романтизма. Он вызвался лететь добровольцем, хотя эта дорога могла оказаться только в один конец.

Господи, зачем ему все это? Он ведь ничего не видел в этой жизни.

Впрочем, если ему суждено вернуться, то даже через много-много лет ему будет о чем рассказать, тыча пальцем в грудь и показывая поблескивающие ордена и медали. Стоил ли этот рассказ того риска, которому они подвергались? Тысячу раз Клейменов мог повторить, что «да».

Похоже, второй пилот тоже только и делал, что глядел на часы, все думая, ну отчего время течет так медленно, и так был увлечен этим занятием, что пропустил тот момент, когда Клейменов утопил рычаг, управляющий закрылками.

– Ой, – только и сказал он, покрепче обхватив руками подлокотники, чтобы не съехать с пилотского кресла и не уткнуться носом в панель с приборами.

«Мальчишка», – усмехнулся Клейменов, краем глаза следивший за вторым пилотом.

Рычаг шел с трудом, поскрипывая, потому что на закрылках тоже образовалась наледь, сцементировав их с крыльями в единое целое. Потребовалось усилие, чтобы разорвать эту связь. Аэроплан стал заваливаться носом вниз, будто корабль, получивший пробоину. Двигатели недовольно завывали.

– Снижаемся, – сказал Клейменов в рацию.

Вряд ли этот короткий сигнал уловил неприятель, а если и уловил – что это изменит? Теперь они могли не таиться. Ведь через несколько минут они должны уже оказаться над Берлином, и за это время ни один аэроплан не успеет помешать им выполнить их миссию. Только бы они не ошиблись, а то вынырнешь из облаков и поймешь, что никакого Берлина под тобой нет, он лежит где-то совсем в стороне, и, чтобы добраться до него, уже не хватает топлива, а если и хватает, то его уж точно окажется недостаточно для возвращения...

Следом за ними приближались сумерки, валом накатываясь на этот мир.

По стеклу пилотской кабины побежали ручейки.

У Клейменова задрожали ноги, когда аэроплан пробил облачный слой и под ним открылась бездна, а сердце учащенно забилося, как бывало это, когда в детстве он мчался с крутой горки на санках. Но ведь тогда под полозьями был лед, а сейчас только пустота. На сотни и сотни метров одна пустота. Он получал несказанное удовольствие каждый раз от этого ощущения.

Клейменов завертел головой по сторонам, ища аэропланы своих подчиненных.

– Все здесь, – второй пилот помог ему сосчитать их и замахал руками товарищам, будто они могли различить его жесты и у них не было других дел, кроме как отвечать на его приветствие.

– Отлично, – кивнул Клейменов.

У него и вправду гора с плеч свалилась.

По земле скользили крылатые тени.

«Ангелы смерти». Вот как их надо называть, а вместо трехцветных кругов на крыльях нарисовать косы и черепа, как сделали это в одной из эскадр истребителей, но такая расцветка сродни той, что покрывали себя дикари, думая, что она испугает врагов. Никому она не страшна.

– Берлин? – в голосе второго пилота было больше вопроса, чем утверждения.

– Надеюсь, – сказал Клейменов.

Над горизонтом поднималось зарево пожаров, так похожее на закат. Но солнце коснется горизонта только через полчаса.

Клейменов не раз бывал в Берлине до начала войны, но никогда не видел его сверху. Не сказать, что он любил этот город, Будапешт и Вена нравились ему больше, но угрызения совести Клейменов все равно испытывал, ведь он так и не превратился в машину, которая может нести только смерть.

Вряд ли сейчас там, внизу, творился ад. В окопах, обстреливаемых перед началом наступления тяжелой артиллерией, куда как хуже, и еще хуже тем, кто идет в атаку, когда от осколков и пуль, сметающих все на своем пути – живое это или не живое, укрыться абсолютно негде.

Но в Берлине сейчас все равно было скверно, обезумевшие от неожиданности обыватели должны бегать по улицам, забиваться от страха в подвалы, зажимать уши ладонями, чтобы не слышать, как гудят падающие с небес бомбы, а сквозь толпу пробиваться пожарные команды.

«Будешь ли ты спать спокойно по ночам, вспоминая о том, сколько убило людей твоими бомбами? Станешь ли ты и вправду гордиться тем, что когда-то бомбил Берлин?»

Клейменов увидел тень сомнения во взгляде второго пилота, потому что тот начал что-то понимать.

До земли было слишком далеко, но когда он выходил на бомбежку, то ему показалось, что он видит, как люди там, на улицах, указывают на его аэроплан пальцами, стоят в оцепенении, будто окаменев, и, закрыв глаза, ждут, когда к ним придет смерть.

Огонь поглотил железнодорожный вокзал. Крыша его провалилась, языки пламени облизывали стены, а на путях продолжали взрываться вагоны и цистерны, разбрасывая далеко вокруг куски оплавленного металла, который жужжал в воздухе так же противно и страшно, как шрапнель. Пожарные команды даже не пробовали сюда пробраться. Потушить этот пожар было невозможно, и лучшее, что можно сделать в этой ситуации, – отогнать подальше все еще не объятые пламенем вагоны, чтобы не взорвались и они, и эвакуировать жителей ближайших кварталов. Пожарных команд не хватало.

«Первая волна чертовски метко отбомбилась».

Он боялся увидеть на улицах полуистлевшие обломки бомбардировщика.

Второй пилот был уже в салоне, ждал приказа, открыв бомболюк.

Канцелярия кайзера тоже горела. Не сильно. Огонь вырывался из нескольких окон, тянулся к крыше. Судя по всему, в нее попала всего одна бомба, а остальные перепахали площадь перед ней. Стена одного из домов обвалилась, перегородив улицу баррикадой. Вряд ли стоило надеяться, что удастся убить кайзера. Никто такой задачи и не ставил.

Как же его подмывало опуститься еще пониже, чтобы сбросить бомбы наверняка, но тогда была вероятность того, что его заденет собственными же осколками.

Унтер-ден-Линден завалило каменными осколками.

Клейменов ничего не слышал за надсадным ревом двигателей. Не слышал проклятий, которыми осыпают его жители города, не слышал автоматных и ружейных выстрелов.

– Бомбы, – сказал он спокойно. Во рту было сухо. На душе противно.

Аэроплан вздрогнул, освобождаясь от бомб, чуть рванулся вверх. Клейменов надавил на рычаг, управляющий закрылками, чтобы удержать аэроплан на прежнем курсе, но тот все время рвался к небесам.

Своих бомб он не видел, а только те, что вываливались из трюмов других аэропланов. Черные точки. Каждый аэроплан нес тонну бомб.

Сами аэропланы тоже были черными на фоне серого неба.

Спустя несколько секунд до него донеслись раскаты грома. Клейменов не удивился бы, если второй пилот отправился бы к хвосту посмотреть на свою работу, но он опять почувствовал рядом с собой запах бензина. Второе кресло закрипело.

– Поздравляю, Александр Васильевич, с удачной бомбежкой, – сказал Клейменов.

– Спасибо, Сергей Иванович, но я не видел, попал кто-нибудь или нет из нашей волны в канцелярию кайзера, – сказал второй пилот.

– Неужели вы думали убить самого кайзера?

– Почему бы и нет?

– Действительно... Но это не так уж и важно. Вы ведь понимаете, что важен сам факт этого налета.

– Да, – кивнул второй пилот.

Возбуждение быстро покинуло его, и теперь в его движениях была грусть.

– Держитесь покрепче, – предупредил Клейменов второго пилота.

Тот вцепился в подлокотники кресла.

– Спасибо, господа, – сказал Клейменов в рацию, – а теперь домой.

Этот путь будет потруднее. Теперь о них знали и вряд ли дадут спокойно вернуться, а истребители сопровождения присоединятся к ним ой как не скоро.

Клейменов заложил крутой вираж, заваливаясь на правый борт, и синхронно с ним этот же маневр сделали все остальные аэропланы. Как же красиво они смотрелись сейчас! Но вряд ли кто-то любовался их полетом. Скорее, вслед им неслись проклятия, а на их перехват летели все германские истребители с ближайших аэродромов, что не бросились еще в погоню за первой волной русских бомбардировщиков.

Их ждет еще один сюрприз. Ведь спустя час на город должна накатиться третья волна...

Часть 1. Форт «Мария Магдалена»

1

Брусилов требовал подкрепления. Но верховный главнокомандующий уверял его, что все остальные фронты ведут не менее ожесточенные бои и потери там столь же велики. К тому же им противостоят германские части, куда как более опасные, нежели австро-венгерские, с которыми имели дело войска Брусилова.

– Вы же не будете просить, чтобы вам перебросили дивизии с Кавказского фронта? – спрашивал у Брусилова главнокомандующий, заранее зная ответ генерала, но на всякий случай пояснял: – Генерал Юденич турка бьет. В могилу его уж скоро загонит. Эрзерум – взял. Еще немного и походным маршем войска его славные на Константинополь пойдут, так же как генерал Скобелев в Балканскую кампанию шел. Но британцы-то на этот раз нас не останавливают. Вроде союзниками считаются.

– Я бы этих союзников да поганой метлой по заду! – в сердцах сказал Брусилов. – Понастроили себе укрепления да сидят в них, ждут, когда мы германцам и австро-венграм хребет сломаем. Потом вылезут из укреплений, начнут права качать.

– Уже сейчас начинают. Вот что они в Дарданеллах десант высадили? Говорят, чтобы нам помочь: дескать, чтобы оттянуть часть из тех войск, что противостоят Юденичу. А вот я думаю, что британцы проливы и Константинополь хотят раньше нас захватить, а потом будут всякие предлоги придумывать, чтобы нам их не отдать. Договорились же, что нам все это переходит, так нет же, за спиной постоянно интриги какие-то строят.

– Да, – вздохнул Брусилов, – поговаривают умные люди, что после того, как мы германцев и турок побьем, придется еще и с британцами за эти проливы воевать. Не отдадут они нам их просто так.

– Вот видите, нельзя фронт Юденича ослаблять и туркам передышку давать. Константинополь с проливами – наиглавнейшая наша цель в этой войне. На западном фронте можно и вовсе, так же как и британцы с французами, поспрятаться в укрепления и ничего не делать.

– Делать-то что-то надо, – сказал Брусилов.

– Надо, – кивнул главнокомандующий. – Но вот выходит, что вам надо на собственные силы рассчитывать. Как говорится – на бога надейся, а сам не плошай.

Тем не менее пару дивизий Брусилову подкинули, но это была капля в море, учитывая, что первая линия его армий, прорвав укрепления противника, потеряла не менее трети своего личного состава, а у некоторых эта цифра доходила и до половины.

– Я не смогу продолжать наступление, – настаивал Брусилов, – оно захлебнется. Передо мной еще несколько полос сильных укреплений.

– Ну что я могу поделать? – разводил руками главноком. – Вы предлагаете оставить без подкрепления ваших соседей?

– Я продвинулся дальше них.

– Поздравляю вас, – вставил главноком.

– Но есть вероятность, что мне ударят во фланг. Я не смогу закрыть эту брешь. И уж тем более я не смогу взять штурмом форт «Мария Магдалена», а он мешает мне окружить Будапешт.

Он и сам понимал, что этот спор ни к чему не приведет, и все-таки продолжал его.

– Хотите чаю? – предложил главноком.

– Нет уж, покорнейше благодарю, – отмахнулся Брусилов.

Они сидели в вагоне главнокомандующего в мягких, уютных кожаных креслах за массивным дубовым столом. На нем стояли пышущий жаром медный самовар, фарфоровые заварной чайник и сахарница.

«Черт подери, мы похожи на купцов, которые никак не могут договориться о поставках и цене на товар», – негодовал Брусилов.

Стены вагона были тоже обшиты дубом и практически не пропускали звуков с улицы, но зато горели они, наверное, тоже превосходно, и одного зажигательного снаряда, запущенного с аэроплана, хватило бы, чтобы превратить этот вагон в уголья.

– А я, с вашего позволения, выпью.

Главком налил себе кипятка в стакан с серебряным подстаканником, добавил заварки, бросил два кусочка сахара, размешал и с наслаждением пригубил чай. Все это время Брусилов молча наблюдал за главкомом.

– Что касается форта, то у меня есть идея, – наконец продолжил главком. – Я пришлю вам подкрепление.

– Сколько?

– Триста человек.

– Вы смеетесь надо мной? – всегда спокойный Брусилов на этот раз с трудом сдерживал раздражение. – Что могут сделать с фортом триста человек? Там гарнизон не меньше тысячи.

– По последним данным, семьсот, – поправил главком.

– И что с того? Это не меняет сути. Их придется обстреливать тяжелой артиллерией не менее нескольких часов, да и боюсь, что если мы сровняем их с землей, то форт все равно будет сопротивляться. Там превосходная система подземных коммуникаций. Мне нужна дивизия. Свежая, – последнее слово он сказал медленно, почти по буквам. – А вы говорите триста человек.

– Вы слышали о штурмовиках?

– Да, – немного помолчав, ответил Брусилов.

– Я пришлю вам штурмовиков. Триста лучших под командованием майора Мазурова.

– Триста? Символическая цифра... Они будут прикрывать отход моих армий, когда германцы перебросят против меня свои части из Франции, а австро-венгры – из Италии? Поверьте, с их-то транспортной системой это случится в течение считанных дней, а наши доблестные союзнички только рады будут, что натиск на их позиции ослаб, но ничего предпринимать не станут. Так и продолжают сидеть в своих норах как кроты и ждать, пока же мы не свернем германцам с австро-венграми головы. Вот когда это случится, тогда они, конечно, о себе напомним, вылезут на свет божий и двинутся к Берлину, благо на пути у них уже никого почти не останется.

– Вы несправедливы к нашим союзникам, хотя... – главком помолчал. – Скажу крамольную вещь. Я лучше видел бы среди наших союзников кого угодно, хоть черта самого, лишь бы не британцев. Что касается штурмовиков, то защищаться, как спартанцы, они не будут. Напротив, они будут нападать. Они попробуют взять этот форт.

– Это утопия, – констатировал Брусилов.

– Возможно. Вся эта война – утопия.

Пресса все последние дни восторженно писала об успешных налетах на Вену, Будапешт и Берлин, так что за этими сообщениями чуть померкли и отошли на второй план успехи армий Юго-Западного фронта, которые глубоко вторглись в пределы Австро-Венгерской империи. Им стали уделять меньше времени, хотя налеты имели лишь моральное значение и никакой практической пользы принести не могли, за исключением того, что газеты Центральных держав стали обвинять русских в варварстве, печатая фотографии разрушенных улиц и сообщая о жертвах среди мирного населения.

Больше всего досталось Будапешту. В этом ничего странного не было, поскольку он ближе всего находился к русским позициям, и бомбила его самая многочисленная эскадра.

Аэропланы поднимались вверх по Дунаю, последовательно разрушая мосты. Перед пилотами они были как на ладони. Центральный пролет Цепного моста обвалился от первого же попадания, а когда волна аэропланов миновала его, то вместо великолепного моста, которым так гордились горожане, остались только каменные быки, натыкаясь на которые пенилась вода, да медные, уже позеленевшие львы, сидящие на постаментах по краям моста. Аэропланы ушли вправо, зависая над Будой и превращая возвышавшийся над берегом Александровский дворец, где находилась резиденция канцлера, в руины. Одна из бомб попала в парламент, и это красивейшее, построенное десяток лет назад здание запылало, купол обвалился, взрывом выбило витражи, огонь стал пожирать дорожную деревянную резьбу стен...

Главком снабдил Брусилова целой кипой германских и австро-венгерских газет. Генерал просматривал их, когда ехал в машине, но никакого удовольствия от чтения не получал. Практически во всех газетах был плакат с косматым медведем в косоворотке. Морда его искажалась в отвратительном оскале, обнажая длинные окровавленные клыки, а из рваных лаптей высывались кривые желтые когти. Медведь стоял возле небольшого домика, в котором спряталась миловидная девушка, а к ее ногам припали двое испуганных детей.

«Он уже стучится к тебе в дверь!»

– Вот как нас изображают, – грустил Брусилов, – сами-то что у нас творили?

Газеты призывали любыми средствами остановить русских варваров, и следовало ожидать, что после этого сопротивление противника усилится, а война станет еще более жестокой. Хотя куда уж дальше? Ведь, по слухам, даже германские санитарки, задачей которых было спасать раненых независимо от их принадлежности к тому или иному стану, русских уже не щадили, не то что с поля боя не вытаскивали, а даже добивали их.

Русские же, которых германцы называли азиатской ордой, идущей, чтобы уничтожить западную цивилизацию, вели себя по-рыцарски. Мирных обывателей не трогали. Хотя еще в Восточной Пруссии столкнулись с тем, что в любой деревне были установлены в подвалах телефоны, по которым такие милые на вид старушки сообщали о точной численности русских, да еще об их принадлежности к тому или иному подразделению, точно на пенсию они ушли, окончив военное училище.

Когда же пришлось отступить, то вслед с чердаков домов обывателей неслась пулеметная стрельба в спины. Но не озлобились. В отличие от своих противников, с захваченных городов никаких контрибуций не требовали, за провиант расплачивались золотыми рублями, исторические памятники, даже если там окопался кто-то из врагов, старались взять, не разрушая их.

Так кого же варварами после всего этого считать?

Главком с восторгом поведал Брусилову о том, как Николай Второй нагнал страху на фабрикантов, собрав их в Царском Селе. Подробности этого совещания в прессу не просочились. По долгу службы главком там присутствовал.

Говорил царь жестко, обвиняя фабрикантов в том, что они хотят нажиться на военных заказах, а это, мягко говоря, непатриотично, и впредь с теми, кто по госзаказу будет поставлять некачественное вооружение, начнут обходиться очень строго, приравнивая к изменникам Родины. Поводом послужило то, что один из уральских заводов прислал на фронт мортиры с дефектом, стволы трех орудий после десятка выстрелов разорвало, и поубивало и покалечило все расчеты.

– В это время, когда война вступает в решающую стадию, вы устраиваете настоящую диверсию, – лицо Николая Второго было каменным, злым. – Знаете, как поступают в таких случаях?

Хозяин завода побледнел, с замиранием сердца думая о том, что ему фактически предложили, чтобы сохранить честное слово, покончить жизнь самоубийством.

– Что молчите? – продолжал распекать провинившегося император. – С саботажниками поступают жестко!

Хозяин завода клялся в невиновности, обещал бесплатно поставить взамен некачественных мортир новые.

– Мортиры-то вы мне поставите, но как быть с двумя десятками убитых и покалеченных? Вы что, их воскресить можете?

Фабрикант все больше бледнел, готовый уже упасть в обморок, боясь и царя, и других собравшихся, потому что из-за него гнев государя пал и на них, а этого ему могут никогда не простить.

– Я готов добровольцем на фронт, – обливаясь потом, пролепетал фабрикант.

Он, человек уже в годах, гораздо старше царя, который годился ему в сыновья, стоял перед ним навытяжку, как провинившийся школьник, и от стыда не знал, куда ему деть свои глаза.

– От вас там толку не будет. Вред один.

– Я готов платить пожизненную пенсию всем семьям погибших и покалеченных.

– Вам пришлют списки, – после небольшого молчания сказал император. – Когда будут новые мортиры?

– Уже отгружены.

Царь кивнул, но так и не разрешил фабриканту присесть, и тот был вынужден все оставшееся время стоять, радуясь тому, что так легко отделался.

После окончания совещания фабриканты выступили с инициативой «Все для фронта, все для победы», договорившись, что никакой прибыли из госзаказа извлекать не будут и постараются поставлять вооружение даже ниже себестоимости. Впрочем, некоторые из них давно уже так и делали.

– Как он их, а, Алексей Алексеевич? – восторженно рассказывал главком подробности той встречи. – Сидели тише воды ниже травы.

– Дельно, дельно, давно с ними надо было поговорить жестко, Николай Николаевич, – соглашался Брусилов, – но я все о форте. Когда мне ждать штурмовиков? Время-то не ждет.

– Через два дня придут. Им не надо времени на подготовку. Сразу и за дело возьмутся. Транспортные аэропланы для их переброски я тоже пришлю. Завтра.

– Благодарю вас.

Высший генералитет пребывал во мнении, что для штурмовиков нет неразрешимых задач. Такое впечатление сложилось после показательной высадки на летном поле в Гатчине. Сотня раскрывшихся в небесах куполов смотрелась и вправду впечатляюще. Им рукоплескали, будто на представлении. Хорошо, что все внимание присутствующих сосредоточилось именно на них. Без осечки-то не обошлось. Выброшенную с аэроплана легкую полевую пушку ветром едва не снесло прямо на гостевую трибуну, где сидели высокопоставленные персоны во главе с царем. Только чудом она пролетела мимо, и это при том, что ветра практически не ощущалось, а условия для высадки были просто идеальными.

Сами штурмовики не подвели, но Мазуров отдавал себе отчет, что два месяца, в течение которых он натаскивал их, слишком мало, чтобы сделать из них таких же хороших солдат, как те, что вместе с ним захватили замок в Баварии.

После той операции ему присвоили звание майора, которое император возродил незадолго до начала войны. Не случись этого, был бы Мазуров уже подполковником, а так в карьерной лестнице лишняя ступенька появилась. Но Мазуров как-то не ставил перед собой цель добраться до самого верха этой лестницы.

На фотографиях аэрофотосъемки форт «Мария Магдалена» больше всего походил на поселок эскимосов, которые решились сделать свои иглу не из снега, а из железобетона и ошетинились жерлами орудий, чтобы отгонять всех, кто захочет к ним прийти, желая привить ростки цивилизации.

Рассматривая фотографии, Мазуров улыбнулся, потому что ему пришла забавная мысль о том, на что еще похожи эти форты – на скопище обсерваторий, о создании которых он так когда-то мечтал, сидя на чердаке своего дома и заглядываясь на звезды в цейссовский телескоп. Вот только эти телескопы были обращены не к небесам, а к земле. Тем лучше. Ведь он-то будет штурмовать их как раз с небес.

Он чувствовал усталость, ему хотелось, чтобы эта война побыстрее закончилась и он, вновь вернувшись к мирной жизни, сидел бы на чердаке и смотрел на звезды...

Главные калибры были обращены в ту сторону, откуда должны прийти русские, но несколько орудий располагались в железных куполах, наподобие корабельных, которые поворачивались на 360 градусов, а следовательно, оберегали форты со всех сторон.

Вряд ли бомбардировщики смогут сильно разрушить форты. Скорее всего, им вообще не удастся нанести им ощутимый ущерб, потому что бетонные сооружения строились из расчета, что гарнизон фортов будет чувствовать себя более-менее в безопасности даже при обстреле тяжелыми мортирами.

Оставался один выход – высаживаться прямо на крышу форта. Задача практически невыполнимая. Кого-то обязательно снесет в сторону, и если его заметят, то подобраться к укреплениям не дадут ни пушки, ни десятки пулеметов. Возле фортов пространство голое. Там негде укрыться. Все, кто не сможет приземлиться на крышу, автоматически попадают в разряд покойников.

«Потери будут ужасающими. Ужасающими», – твердил Мазуров, точно успокаивал себя.

Но разве он мог отказаться? Ведь штурмовики превратились в обычное пушечное мясо, которое так щедро приносят в жертву. Прежде он жалел, что ему поручили формировать абсолютно новое подразделение, а всех, кто был с ним в Баварии, либо взяли в аналитический отдел Генштаба, либо поручили им формирование столь же многочисленных и столь же необученных штурмовых команд, распределив их по всем фронтам. Теперь он этому радовался.

Будь у Мазурова побольше времени, он приказал бы построить форт в натуральную величину из дерева и на этой модели отрабатывать высадку, чтобы довести действия штурмовиков до автоматизма, как гонял своих солдат Суворов на макеты стен Измаила. Но на подготовку ему дали всего три дня, будто эти укрепления возникли только что, проросли из-под земли, как грибы после дождя, а прежде об их существовании никто и не подозревал.

Пришлось тренироваться, обозначив очертания фортов на земле. Как Мазуров и предполагал, не менее трети штурмовиков не то что не попадали в очерченный сектор, а приземлялись очень далеко.

Случись такое в реальности, у них не было шансов выжить.

Их уничтожат пулеметным огнем.

Их перестреляют еще в воздухе.

На душе у него было очень скверно, но всеми силами он старался этого не показывать, а то подчиненные, увидев, в каком мрачном настроении он пребывает, уверятся, что идут на верную смерть, а ведь в любом деле нужна надежда. И в письмах, которые он каждый день писал Кате – сестре милосердия, выхаживавшей его в госпитале после Баварской экспедиции, он не говорил об этом задании. Напротив, сообщал, что занимается рутинной и конца-края этому нудному занятию не видать. Заготовил даже несколько писем на будущее, чтобы переписка не прервалась сразу и она ни о чем не беспокоилась.

Из старых знакомых с ним был только лейтенант Тяжлов, которого Мазуров не взял в Баварию, посчитав, что тот еще слишком неопытен для этой операции. Но теперь-то выбирать было не из кого, и на фоне других штурмовиков Тяжлов считался уже мастером.

Их погрузили в поезд. Он шел почти без остановок. На всех станциях его пропускали без задержек, точно стратегически важный груз, так необходимый фронту, хотя по виду вагоны были самыми обыкновенными, пассажирскими, и Мазуров, изредка выглядывая в окошко на станциях, видел недоуменные лица людей, которые, стоя на платформах, провожали взглядами этот состав.

Старый машинист паровоза в черной, чуть заляпанной углем форме смотрел на погрузку штурмовиков вот так же удивленно, выбравшись из кабины и схватившись за поручни. Его седая длинная борода развевалась на ветру, делая машиниста похожим на шкипера прогнившей лоханки, не первый год бороздящей океанские просторы и готовый перевозить в своих трюмах все, за что платят деньги, – будь то контрабандные товары, рабы для белых плантаторов или отряды головорезов.

Такой мешковатой, пятнистой формы машинист прежде не видел. Его раздирало любопытство, но он отчего-то понимал, что никто ему не скажет, кто же это.

– Кто это, а, Иван Петрович? – спросил его кочегар, а машинист в грязь лицом ударить не хотел и, хотя понятия не имел, кто же садится в его поезд, глубокомысленно посмотрел на подчиненного и после паузы сказал:

– Эх, Алексашка, ну что ты спрашиваешь? Зачем тебе это знать? Ты же, чай, не австро-венгерский шпион. Только он мог бы такой вопрос задать.

– Не, ну что вы, Иван Петрович, какой же я шпион? Я просто так интересуюсь, – смутился кочегар.

– Не твое это дело. Твое дело – давление в котлах поддерживать, уголек, когда надо, подбрасывать. Вот об этом и думай.

Вот уже второй день шел моросящий дождь, почти неощутимый, но от этого еще более неприятный, потому что и сам не заметишь, как пропитаешься им до самой последней нитки. Небо заволокли серые тучи, сквозь которые почти не пробивались солнечные лучи, а из-за этого и мир стал серым и тусклым, и смотреть в окошко не хотелось. К тому же по стеклу стекали тонкие струйки, искажавшие внешний мир. Тот, подрагивая в такт с покачиванием вагонов, казался каким-то нереальным, давным-давно оказавшимся на дне океана, вот только люди, которые жили в нем, отчего-то этого все еще не заметили.

Все медное в вагонах сверкало, будто на кораблях, где матросы все свободное время натирают их фланелевыми тряпочками. Вагоны были не люкс-класса, но гораздо лучше, нежели те, в которых обычно перевозились войска, – купейного типа, каждое из которых рассчитывалось на четыре человека, с мягкими кроватями в два ряда вдоль стен.

И где еще отыскивали такие? Ведь даже пехотным офицерам часто приходилось возвращаться из госпиталей в свои части в куда как менее комфортных условиях, что уж там говорить о рядовых, которых везли на фронт в вагонах, где прежде перевозили скот. Их деревянные стены впитали в себя запах навоза, и сколько его ни вытравляй, сколько ни укрывай пол соломой, все равно, оказавшись здесь, с первого вздоха станет понятно, для кого эти вагоны предназначались, – для скота, который везут на убой. Очень пессимистическая ассоциация. Каждый для себя мог ответить на вопрос, а куда же направляются эти солдаты...

Гладиаторам, которым предстояло сразиться на арене, тоже устраивали перед смертельной схваткой роскошные развлечения и приводили даже рабынь, вот только за все это слишком скоро приходилось расплачиваться собственной и чужой кровью...

В такие минуты в голову лезет всякая пакость. Приходится отгонять ее пустыми разговорами, точно ты встретился с гипнотизером, и чтобы он не завладел твоим сознанием, мысленно повторяешь слова какой-нибудь ненавязчивой, но жутко приставучей песенки.

Покачивание вагонов и постукивание дождевых капель по крыше и стеклу располагали ко сну, а ведь непонятно было, когда выплывешь вволю в ближайшее время. Пошлая шутка, что «на том свете», была слишком близка к реальности...

Ночью поезд остановился надолго. Ремонтные бригады меняли колеса на вагонах с узкоколейных на более широкие. Слышалась непонятная гортанная речь. Пригнали новый паровоз. Ухватившись за состав, он потянул его дальше.

Мазуров впал в какое-то странное состояние полусна-полубоддрствования, как насекомое при наступлении холодов или рыба, вмерзшая в лед. Он тупо смотрел перед собой, уставившись в одну точку глазами, почти не шевелясь.

Так прошло несколько часов.

Наконец паровоз стал сбавлять ход, заскрипел колесами, задержался, как в эпилептическом припадке, когда вагоны норовили его подтолкнуть сзади и протащить чуть дальше – за платформу.

– Приехали! – громко закричал Мазуров, выбравшись из своего купе. – Всем выгружаться. Строиться на платформе!

Он подхватил тяжелый мешок, где был сложен парашют, забросил на спину автомат с коротким складным прикладом, протиснулся по узкому проходу между стеной вагона и дверями купе, вышел в тамбур, схватился за бронзовые сверкающие ручки двери и отворил ее.

Выходить наружу не хотелось все из-за того же непрекращающегося дождя, и с секунду Мазуров стоял в тамбуре, втягивая влажный, чуть прохладный и бодрящий воздух. Он не оборачивался, но слышал, что штурмовики уже вылезли из своих нор и идут следом за ним, заполняя коридор вагона.

Деревянный вокзал обветшал, краска облезла, обнажая потрескавшиеся стены, часы на фасаде остановились, а что было написано над ними, Мазуров воспроизвести не смог. Из-за незначительности этой станции, отступая, австро-венгры даже не удосужились ее разрушить, ведь никакого стратегического интереса она не представляла, а в десяти километрах впереди железнодорожная колея и вовсе заканчивалась тупиком.

До фронта было не менее сотни километров, и сюда не доходили даже звуки артиллерийской канонады.

Позади станции виднелись силуэты нескольких грузовых автомобилей с закрытыми тентами кузовами.

Мазуров наконец решился выпрыгнуть на платформу, шагнул, как в бездну, немного съездившись, но оказалось, что моросящий дождь и вправду незаметен.

Он двинулся к вокзалу, чтобы не мешать тем, кто выходил из вагона следом, но так и не дошел до него, когда внутри, казалось бы, пустого вокзала возникло движение. Навстречу ему вышли несколько человек во главе с сухощавым, чуть горбившимся генералом, у которого были великолепные развесистые усы. И даже если бы Мазуров никогда не видел фотографии командующего Юго-Западным фронтом, то узнал бы его по этим усам. Такой встречи он, признаться, не ожидал и если прежде шел чуть расслабленно, то теперь выпрямился, стал печатать шаг, хотя с тяжелым мешком на плече делать это было непросто.

– Честь имею приветствовать, господин командующий, – Мазуров остановился шагах в пяти от генерала, приложив правую ладонь к виску. – Штурмовики прибыли в ваше распоряжение.

– Очень рад, – сказал Брусилов, хотя по тому, что лицо его оставалось каменным, вряд ли именно такое чувство он испытывал.

Странно, что Брусилов приехал встретить штурмовиков. Он всегда критиковал своих подчиненных, если они старались все делать сами, когда это могли решить и более мелкие командиры, и в результате погрязали в мелких проблемах, а на большие времени не оставалось. И вот теперь он делал как раз то, за что доставалось его подчиненным. Но, вероятно, он многое ставил на штурмовиков. Это неудивительно. От них действительно многое зависело.

Тем временем штурмовики построились поротно, заполнив всю платформу.

Брусилов рассматривал их с нескрываемым любопытством, как невидаль какую-то, предполагая, вероятно, когда ехал на эту станцию, что ему пришлют чудо-богатырей из русских былин, от одного вида которых австро-венгры бросятся наутек, а на поверку оказалось, что солдаты-то самые обыкновенные, вот только обрядили их не совсем обычно. Но смогут ли они из-за этого заменить целую дивизию? Ответ очевиден.

Мысли командующего так легко читались в глазах, что и без слов все было понятно. Мазуров испытывал желание немного развеять сомнения Брусилова, представить ему некоторых из штурмовиков, к примеру, того, кто был чемпионом по кулачному бою Тверской губернии, или того, кто долго служил в цирке, зарабатывая себе на жизнь, повторяя каждый вечер смертельный трюк Тиля Уленшпигеля, и таких в отряде набралось бы несколько десятков.

– Нечего на дожде стоять, прикажите солдатам грузиться в автомобили, – наконец махнул рукой Брусилов. – Сами со мной поедете, по дороге поговорим.

– Слушаюсь, господин командующий, – козырнул Мазуров, развернулся к строю и закричал: – Грузиться!

Никакого смысла в предстоящем разговоре Мазуров не видел. Ну, право же, что он мог нового поведать командующему, посвященному во все подробности операции? Лишь только незначительные нюансы. Но, скорее всего, Брусилов просто хотел поближе познакомиться с ним.

Грузовики заняли всю ширину грунтовой дороги.

Три первых из них были трофейными, выкрашенными в серое, с черными брезентовыми тентами, чуть прогнувшимися от скопившейся на них воды. Остальные машины были болотно-зелеными. На обмотанных цепями колесах налипли комья грязи. Водители, дожидаясь прибытия штурмовиков, коротали время в кабинах, спрятавшись от дождя под фанерными козырьками. Сейчас они переминались с ноги на ногу возле своих авто, совсем не опасаясь, что в небесах могут появиться аэропланы противника, сбросить на караван бомбы или обстрелять его из пулеметов. Похоже, русская авиация полностью господствовала в небе.

Позади них стояли наглухо закрытые тентами два «Руссо-балта», в которых приехали командующий и его сопровождение.

Брусилов кивнул на первую машину.

– Садитесь на заднее сиденье, – сказал он Мазурову.

Адъютант отворил перед командующим дверь. Тот забрался в авто первым, следом за ним Мазуров, усевшись в податливое, оббитое черной кожей кресло. Адъютант лихо взгромоздился на свое место, завел авто, резко крутанул баранку, но в ширину грунтовой дороги все равно не вписался и выехал на обочину. Колеса забуксовали, авто повело вправо, как на лыжах, а из-под него фонтанировали комья грязи, забрызгивая всех, кто не успевал спрятаться. Штурмовики, которые собирались запрыгнуть в кузов крайнего грузовика, разбежались от этой грязи, как от шрапнели.

– Полегче, Коленька, ты этих красавцев всех перепачкаешь, – в голосе Брусилова сквозили язвительные нотки.

«Не доверяет он нам, – думал Мазуров, слушая генерала, – раздражен тем, что нас привезли в таких роскошных вагонах, да еще на маленькую станцию, чтобы секретность сохранить».

– Извините, Алексей Алексеевич, – повернув голову, сказал адъютант.

– Неуч. На дорогу смотри, а то всех передавишь. Кто тогда форт будет штурмовать? Кстати, господин майор, – продолжил Брусилов, уже обращаясь к Мазурову, – как же вы собираетесь это сделать?

– Высадимся на крыше.

– Такое возможно?

– Да. Главное, чтобы ветер был не очень сильным, а то всех разбросает. Дождь еще будет мешать. Синоптики хорошего прогноза не обещают.

Авто наконец-то вырулило на дорогу, обогнуло «Руссо-балт» сопровождения, чуть притормозило, чтобы подождать, когда вторая машина выполнит точно такой же маневр и встанет в кильватере позади.

– Прибывшие ко мне грузовые аэропланы привезли баллоны с ипритом. Вы намереваетесь их использовать?

– Да.

– Отлично, – кивнул Брусилов. – Я тоже люблю эту химию. Германцы-то, чай, первыми Гаагскую конвенцию нарушили. Пусть теперь в ответ то же самое получают.

С такими же словами, смеясь, точно это была удачная шутка, артиллеристы Брусилова, подавляя батареи австро-венгров и германцев, так хорошо укрепленные, что их не удавалось уничтожить даже мортирами и гаубицами, загоняли в казенники своих орудий снаряды с красными и синими окантовками, которые обозначали удушающую и ядовитую начинку.

– Как блоха на сковородке попрыгают они у нас! – смеялись артиллеристы, нажимая на спуск.

Германцы и австро-венгры бежали от них, бросая свои орудия.

– Только потом проблемы возникнут, – сказал Мазуров, – нам ведь форт до прибытия ваших солдат еще и удерживать придется, но, может, иприт удастся выветрить.

Австро-венгры задумывали построить целую сеть фортов, но русские продвигались слишком быстро, и большинство укреплений лишь заложили, отрыли или даже возвели часть стен, но когда стало ясно, что доделать их все равно не успеют, то все силы были сосредоточены лишь на одном форте.

Брусилов не хотел штурмовать его, потому что это надолго задержит продвижение его войск. Он задумал его обойти, оставить в тылу и выделить на его осаду небольшое подразделение, главной задачей которого будет не столько взятие форта, сколько изоляция его гарнизона.

Почти весь разговор Брусилов держался холодно, но ни на какое панибратство с командующим Мазуров и не рассчитывал. Однако слова Брусилова о том, что он сделает все возможное, чтобы поддержать штурмовиков, Мазурова не очень вдохновили. Максимум, что можно было ожидать, – истребители прикроют их с воздуха, обстреливая противника. Но вот в то, что удастся быстро взять все эти цементные надолбы с пулеметами и глубоко эшелонированную систему окопов, он не верил. У союзников на преодоление таких укреплений уходила масса времени, и стоило им продвижение на несколько километров чудовищных потерь, исчисляемых в сотни тысяч убитых и раненых. У Брусилова под ружьем было примерно столько же солдат, сколько потеряли англичане и французы во время последнего наступления. Он не станет ими рисковать, если почувствует, что победа будет даваться ему слишком дорого, и тогда штурмовики обречены, и единственное, что им останется, – подорвать форт вместе с собой. Брусилов на подобный исход даже не намекал, но чувствовалось, что и он об этом думает, и его вполне устраивает такая цена уничтожения форта.

Как обычно, он не говорил о том, когда начнет наступление, но нетрудно было догадаться, когда это случится, после того как командующий спросил у Мазурова, могут ли штурмовики высадиться на форты этой ночью.

– Конечно, – кивнул Мазуров.

Бывало, что вновь прибывшие части после утомительной многодневной дороги прямо из эшелонов отправляли на передовую закрывать ту или иную брешь в обороне, не давая им даже передохнуть. Мазуров понимал, что и их тут же отправят на задание, но интересно было бы узнать, что сделает Брусилов, получи он отрицательный ответ. Их повезут в казармы, вместо того чтобы везти на летное поле, или пустят в атаку в первой линии наступления, как наименее ценное пушечное мясо?

– Рад был познакомиться, удачи вам, – наконец чуть смягчился Брусилов. – От вас многое зависит в этом наступлении.

Мазуров уже было приготовился выслушать пафосную речь о долге перед Родиной, о том, что во имя ее надо не жалеть себя, но, к счастью, Брусилов понял, что слова эти не нужны. Немного молчаливый майор и вправду произвел на него впечатление своей уверенностью.

2

Аэропланы укрыли маскировочными сетками, но днем обмануть они могли разве что новичка, который впервые сел за штурвал истребителя и больше следит за тем, что творится вокруг него, опасаясь, что в любую секунду появится неприятель и тогда его первый полет может стать и последним. Для более опытного пилота сразу станет понятно, что скрывается за этими маскировочными сетками, но русская авиация имела в воздухе чудовищное превосходство, и воздушные бои происходили гораздо ближе к линии фронта, а этот аэродром можно было считать тыловым, хотя до форта «Мария Магдалена» от него всего-то два часа лета.

Штурмовики добрались до летного поля, когда небо сделалось совсем серым и издали аэропланы казались не более чем холмиками, поросшими редким кустарником. Но стояли они в ряд, и закрадывалось ощущение, что возникли они не без помощи человеческих рук.

Дорогу размыло, грузовики вязли в этой жиже, буксовали, все больше и больше погружаясь в нее, как в топь. Частенько самостоятельно они уже не могли из нее выбраться, и тогда штурмовикам приходилось выбираться из кузова и толкать грузовики, так что к концу пути все перепачкались в грязи.

– Так незаметнее будет, отличная маскировка эта грязь, – пошутил кто-то, но шутка вышла неудачной, и мало кто ей улыбнулся.

Задерживаться на этом аэродроме пилоты долго не думали, так что для проживания зарыли в землю несколько срубов и присыпали их сверху землей. Разместиться там могло несколько десятков человек, но и тогда бы они сидели друг у друга на плечах, а на прибытие трехсот штурмовиков никто и не рассчитывал. От дождя спрятаться было негде, за исключением трюмов аэропланов, но, пока с них сняли маскировочные сетки, прошло не менее получаса, и ко всем прочим бедам все вымокли и продрогли.

Аэропланы модифицировали специально для штурмовых операций, прорезав в них двери не между крыльями, а ближе к хвосту с двух сторон, чтобы удобнее и быстрее было выбрасываться.

Штурмовики, побросав пожитки на летное поле, безучастно следили за тем, как суетятся техники, освобождая аэропланы от пут, точно рыбаки, вытащившие на берег огромных китов, впавших в сон. Как бы они ни принялись их тут же свежевать и разделявать на части! Сетки намотались на лопасти пропеллеров и запутались. Техники приставляли к ним лестницы, забирались на крылья, осторожно, чтобы не порвать сети, освобождая лопасти. Это начинало раздражать. Что, разве техники не могли, вместо того чтобы сидеть по землянкам, сделать это пораньше и не держать штурмовиков под дождем?

– Эй, милейший, где тут у вас размещается подполковник Страхов? – окликнул Мазуров одного из техников, тот как раз тянул на себя сеть, и, судя по его усилиям, улов был большим.

– Позвольте вас проводить, господин майор, – сказал техник, выпуская сеть.

– Нет, уж лучше покажи мне, как идти, а доберусь-то я сам как-нибудь.

– Да вон он идет, – сказал техник, расплывшись в улыбке и возбужденно замахав куда-то в темноту за спину Мазурова.

Мазуров обернулся. На бровях его уже скопилась вода, а от этого движения она наконец-то пролилась на глаза, и, чтобы прочистить их, ему пришлось несколько раз быстро моргнуть.

– Рад приветствовать вас, господин майор, но прошу прощения за не очень гостеприимную встречу, – подполковник протянул руку для приветствия. Она еще была теплой и сухой, перчатку с нее Страхов снял, очевидно, в последние секунды.

– Здравствуйте, господин подполковник, но ведь вы еще не умеете управлять погодой, – ответил Мазуров.

– О, я не о погоде, а о том, что вынужден держать ваших молодцов под дождем. Мне не сообщили точного времени вашего прибытия. Не хотелось до этого демаскировать аэропланы. Знаете ли, в небе мы господствуем, но чем черт не шутит.

В рыжей, немного потертой кожаной куртке с меховым воротом подполковник выглядел щеголевато. Волосы его были идеально уложены, точно он только что посетил парикмахера.

– Понимаю, понимаю вас, – сказал Мазуров.

– Покормить ваших людей тоже нечем.

– У нас есть сухой паек.

– Хорошо, – кивнул Страхов. – Мне не сообщили и время вылета. Просто отменили на сегодня все задания и сказали, что вы обо всем знаете и моя эскадра в вашем полном распоряжении. Буду вас прикрывать.

«Вот отчего он так раздражен, хотя и скрывает это. Он ведь подполковник, а его переподчинили майору».

– Спасибо. Летим в полночь, – сказал Мазуров.

– Понятно. Пойдемте со мной. Я познакомлю вас с пилотами, которые полетят с вами. Они утром прилетели. Сидят сейчас у меня в штабе. Садись они, знаете ли, с такой осторожностью, будто на борту у них богемский хрусталь или китайский фарфор. Я уж подумал, что в каждом аэроплане кто-нибудь из высокопоставленного начальства. Немудрено, если учесть, что вы намереваетесь сделать. Но все оказалось гораздо банальнее.

– Боялись, что баллоны с ипритом повредятся?

– Да. Поначалу только об этом и говорили. Ни у кого из пилотов не оказалось противогазов. Забыли выдать. У меня тоже их раз-два и обчелся. Вот вашей милостью сижу на пороховой бочке.

– Недолго осталось. Скоро мы вас избавим от этой проблемы. Но не могли бы пилоты сами к нам выйти? В один аэроплан поместится взвод, сейчас мы их распределим, а у вас уже потом поговорим. Командирам взводов будет тоже интересно с ними пообщаться.

– Хорошо. Сейчас они придут.

«Могли бы и сами догадаться», – раздраженно подумал Мазуров.

Он проводил Стрхова взглядом. Похоже, тот расстроился. Но отношения с подполковником не заладились сразу же. Да и Мазурову надоело ощущение, что абсолютно все принимают его здесь холодно, совсем не так, как это было на Западном фронте, будто они делают не одно и то же дело, а каждый занят собственным и на других ему абсолютно наплевать.

Мазуров посмотрел на часы. До вылета оставалось еще почти три часа, в течение которых его люди будут без дела сидеть в темных, похожих на огромные склепы трюмах аэропланов и слушать, как бьются капли дождя о фанеру, точно это гвозди вбивают в крышки гробов, в которых их похоронят. Нет ничего отвратительнее такого времяпровождения, но он не знал, чем их занять.

«Быстрее бы вылет, быстрее бы...» Но сколько бы он ни просил стрелки часов крутиться побыстрее, ничего ведь не произойдет.

– Командиры взводов, ко мне! – крикнул Мазуров, вернувшись к штурмовикам. – Господа, сейчас придут пилоты, – продолжил он, когда к нему подошли подчиненные.

Техники уже расправились с маскировочными сетками, свалили их в кучу возле аэропланов, а сами, выполнив порученное им задание, отправились в землянки греться, бросив штурмовиков на произвол судьбы. Ничего уже не мешало штурмовикам занять свои места в трюмах, но они медлили, предпочитая оставаться под дождем. Мазуров их превосходно

понимал и пока не торопил. Его скверное настроение передалось и командирам взводов. Они молчали, переминаясь с ноги на ногу, а лица их были каменными, лишенными эмоций, точно у приговоренных, и это совсем не нравилось Мазурову, но ему было гораздо легче, ведь он уже не один раз участвовал в штурмовых операциях, а для всех его людей это задание было первым.

3

Имен пилотов Мазуров не запомнил. Да и не пытался этого сделать. Зачем? Все равно он этих людей, скорее всего, больше не увидит, а захламлять голову лишней информацией не стоит, потому что тогда в ней не останется места для чего-то нужного.

Они обменялись несколькими незначительными фразами. Потом пили чай в штабе, но недолго, чтобы оставшиеся в аэропланах штурмовики совсем не заскучали в одиночестве. Разговор не клеился. Все это чувствовали, но исправить положение и рассказать что-нибудь веселое так никто и не удосужился. Пилоты вряд ли отнесли это за счет того, что штурмовики предпочитали держаться особняком, как представители особой касты, наподобие подводников, а впрочем, может, так и было, ведь, судя по их заданию, они принадлежали к касте смертников, и в этом надо искать причину их молчаливости.

Время шло слишком медленно, но и оно когда-нибудь заканчивается.

Уже во время полета штурмовики надели железные каски, обтянутые защитного цвета тканью, наколенники и налокотники, став похожими на некое подобие рыцарей, у которых денег хватило только на самые незначительные и дешевые доспехи. При посадке все равно синяков набьешь, потому что ветер не хочет отпускать парашют, все дует и дует в него, не понимая, что это никакой не парус, и тащит следом за собой бедного, похожего на марионетку человека. Мазуров предложил использовать защиту после того, как разбил себе коленки, а потом несколько дней ходил, прихрамывая, радуясь тому, что хоть ноги не сломал. Но, садясь на бетонные укрепления, так легко не отделаешься, даже с защитой.

– От винта! – послышалось за бортом.

– Есть от винта, бог в помощь.

«Только на него нам и приходится уповать», – подумал Мазуров.

Двигатели вспенили воздух, надсадно загудели, толкнули перегруженный аэроплан вперед, постепенно разгоняя его.

Аэроплан развернулся против ветра и все бежал и бежал по взлетной полосе, не желая с ней расставаться и отрываться от земли, и казалось, что он так и доберется до форта «Марии Магдалены» по поверхности.

Пилот предупредил, что над аэродромом турбулентные потоки. Большинство штурмовиков не поняли, к чему он это сказал, и только когда аэроплан основательно затрясло, а они вцепились руками в лавку, то догадались, что слово это плохое и впредь можно использовать его как ругательство, если выговоришь, конечно.

Этот ветер еще наделает кучу бед, когда начнет играть людьми, как игрушками. Хуже всего придется тем, кого отнесет к реке. Вооруженные до зубов, они пойдут сразу же ко дну.

Все стыки в фанерных щитах аэроплана трещали, готовые развалиться, а Мазуров физически ощущал, как в эти секунды пилот давит и давит на рычаг, сжимая от напряжения челюсти, пытаясь поднять аэроплан. По лицу его текут капельки пота, а рука под перчаткой побелела.

Аэроплан провалился в воздушную яму практически сразу же, чуть вновь не задев колесами землю. От такой встречи его колесные стойки могли превратиться в труху, но каким-то чудом он избежал этого.

Мазуров видел, как проплывают мимо темные силуэты других аэропланов, тоже уже пришедших в движение, а когда они исчезли, то ему захотелось посмотреть назад, чтобы увидеть, как они пристраиваются в кильватере.

Они выстраивались ромбом, «свиньей» – так наступали когда-то псы-рыцари, медленно и лениво наплывая с боков, но такое впечатление создавалось оттого, что и аэроплан Мазурова уже набрал приличную скорость. Через несколько минут их замкнули в кольцо

истребители – совсем маленькие на фоне грузовых монстров, точно муравьи, решившие отчего-то, что они смогут защитить слона, если на него кто-то нападет. Скращенные кости и черепа, украшавшие их фюзеляжи, заглядывали в иллюминатор транспорта. Аэроплан Страхова легко узнавался по бубновым тузам на бортах.

– Мы прикроем с воздуха вашу высадку, – сказал Мазуров подполковник перед вылетом.

– Мост. Попробуйте нейтрализовать пулеметы на мосту. Мы не будем его штурмовать. Нам его вообще не удержать. Даже не стоит пробовать. Может, потом. Но австро-венгры, я уверен, его уничтожить из форта не будут.

– Не беспокойтесь, – кивнул Страхов в ответ.

– Очень богатый караван. Грех такой пропустить.

Но у австро-венгров с авиацией стало совсем плохо после длительных сражений с русскими асами. Потери не восполнялись, так что ничего им здесь, на небесах, не грозило, и так не хотелось опускаться обратно на землю.

Мир погрузился в темноту еще до того, как под днищем стали проплывать серые облака, которые спрятали сотни и сотни тысяч людей, готовящихся к предстоящему наступлению. Мазуров был уверен, что мало кто из них спал в эти минуты. А от мысли, что их жизни зависели от него и от его штурмовиков, на душе становилось очень тяжело.

Мазуров больше всего на свете любил это черное небо, когда облака уже не могут помешать любоваться звездами и огромной серебряной луной, на которой можно было различить моря и кратеры, и сейчас он шептал их названия, пока морозные узоры, растекшись по иллюминаторам, совсем не укрыли то, что творилось за стеклами. Он провел по ним пальцами, ощущая приятную прохладу, решил уж было подышать на стекла, чтобы растопить изморозь и отобрать у них частичку внешнего мира, но передумал.

Устав сидеть на жесткой лавке, Мазуров прошел в пилотскую кабину. Стекла там тоже чуть заледенели. Было слышно, как в них бьется ветер, пытаюсь разбить и потрогать лица тех, кто от него прятался в кабине. Пол под ногами дрожал, но как-то не хотелось думать, что от бездны тебя отделяет тонкий слой фанеры и дерева.

Пилот не услышал, как вошел Мазуров, всецело поглощенный своей работой. Он отражался в стекле, и казалось, что он любит собственным изображением.

– Где мы? – окликнул его Мазуров.

– Я помню, что вы говорили, – сказал пилот, на мгновение отвернувшись от штурвала. – Скоро начнем снижаться. Мы уже пролетели линию фронта. Хотелось бы подольше оставаться на этой высоте.

– Нам будет трудно точно приземлиться.

– Не беспокойтесь, над «Марией Магдаленой» мы пройдем на высоте шестисот метров, как вы и просили. Там есть зенитки. Это будет опасно, но я сброшу скорость до минимума.

– Спасибо.

– Мне-то не за что. Вам будет труднее, чем мне.

– С вашего позволения, я здесь останусь. Ветер сильный. Мне нужно понять, где высаживаться, чтобы нас отнесло на форт.

– Конечно, конечно. Сядьте в кресло, а то упадете. Я начинаю снижение.

Дождавшись, когда Мазуров займет второе кресло, пилот надавил на рычаги, управляющие закрылками. Вначале ничего не произошло, но спустя миг аэроплан стал падать, будто у него нос нагрузили тяжелыми камнями, будто он, как подводная лодка, принял на борт тонны балласта и теперь ждет, когда же ему наконец дадут возможность искупаться в облаках, что плыли под ним, так похожие на пенные буруны на кончиках морских волн.

Только бы не порвались веревки, которые не давали баллонам с ипритом кататься по дну трюма, иначе... В темноте штурмовики и понять не успеют, что надо надеть противогазы, а стоит только вдохнуть чуточку отравляющего газа, как ты забудешь обо всем.

Мазурова качнуло вперед. Он ощутил приятную легкость. Он любил это ощущение больше всего на свете, когда кажется, что если ты отпустишь руки, сжимавшие подлокотники кресла, то сможешь сам лететь, особенно если при этом закрыть глаза. Он открыл их только тогда, когда почувствовал, что кабина вот-вот должна врезаться в облака и разметать их. Невольно опять хочется закрыть глаза, потому что в голову закрадывается мысль, что стекло не выдержит этого удара, треснет, расколется и тогда холод, царящий за ним, заполнит всю кабину, вмиг превратив всех, кто в ней находится, в ледяные статуи.

На лице его появилась глупая улыбка, а в глазах детский восторг, точно такой же, какой появлялся в них, когда он в детстве катался с ледяных горок, когда от скорости захватывало дух, а морозный ветер подрумянивал кожу.

Хорошо, что в эти секунды на него не смотрел пилот, но, похоже, он испытывал точно такие же чувства.

Слой облаков закончился. Они пробили его, вывалились опять в этот безграничный спящий мир, накрытый темным покрывалом, в котором маленькие дырки проели крохотные огоньки, раскрывавшие расположение поселений. Только бы там не появилось огненных вспышек, которые начнут извергать зенитки.

С земли они казались огромными фантастическими птицами, летящими в бреющем полете, широко раскинув крылья, улавливая воздушные потоки.

Черными силуэтами огромных фантастических птиц.

Пилот не сверялся с картой. Он превосходно знал этот район, потому что бомбил его не один раз, так что дорогу мог найти и в темноте.

– До форта доберемся примерно через десять минут.

– Ветер?

– Юг-запад-запад. Пять метров в секунду. Минут через пять опустимся на заданную вами высоту. Я заранее скажу вам, когда надо выбрасываться, чтобы ветер снес вас на форт, – он наконец-то посмотрел в сторону на Мазурова. – Готовьтесь.

– Спасибо.

Мазуров почувствовал, что это время приближается, когда звук работающих двигателей изменился, пропеллеры замедлились, а аэроплан стал недовольно вздрагивать, потому что ему мешали развить скорость, на которую он был способен.

– Ну, с богом, удачи вам, – сказал пилот.

Мазуров встал с кресла, толкнул дверь в салон.

– Приготовиться к высадке. Открыть двери. Световой сигнал! – быстро командовал он.

Двери уходили в сторону, как в японских домах, и фиксировались, чтобы во время высадки, не дай бог, ветер не захлопнул их. В салон ворвался холодный воздух, оттолкнув тех, кто встретился на пути.

Яркая вспышка зажженных фонарей трижды разорвала мрак. В соседних аэропланах тоже стали открываться двери, и их тоже осветили вспышки.

Высадка.

Штурмовики вываливались из аэропланов, как горошинки из перезрелых стручков, которые хотят густо засеять поля под ними. Раскрылись купола парашютов, зачерпывая воздух, наполняясь им до краев. Недолго им удавалось держаться всем вместе. Ветер разбрасывал их в разные стороны.

Только бы их подольше не увидели с земли. Но если кто-то из австро-венгров в форте или тех, что сидят сейчас, укрывшись за мешками с песком по обе стороны моста, и заметит

эти купола, то не поймет сперва, что же происходит, а когда догадается и поднимет тревогу, то будет уже слишком поздно.

Мазуров дождался, пока выбросятся все штурмовики, подошел к дверному проему, как капитан терпящего бедствие судна, который должен покидать его последним, встал на пороге, ухватившись за края руками. В таких случаях надо читать молитву, просить у небес помощи, но он не помнил ни одной. Ветер бился ему в грудь, упрашивая остаться, пытаясь объяснить, что здесь, в аэроплане, спокойнее. Воздуха было так много, что он забивал гортань кляпом, через который и не продохнуть.

Там, далеко внизу, прожилкой блестела река с перекинутыми через нее ажурными фермами моста, похожими на тонкую паутину, которую сплел паук, чтобы ловить пролетающих мимо мух и других вкусных насекомых.

Мазуров, сильно оттолкнувшись ногами и руками, бросился в эту бездну. Он быстро нагонял вспышки куполов. Они почти полностью закрывали землю, как закрывают ее облака. Помедли он еще немного, и врезался бы в них камнем, смял, увлекая за собой людей, безвольно качавшихся на стропях, как марионетки, но ему хотелось подольше продлить это блаженное состояние легкости и полета. От него прочищается сознание лучше, чем это делает любой из врачей.

Наконец Мазуров дернул кольцо. Горб за его спиной порвался, как у ангела, который под одеждой скрывал сложенные крылья. Ожидая рывка, Мазуров напряг все мышцы, но стропы все равно больно впились в подмышки и пояс, и так его потрянуло, что казалось, будто тело сейчас разорвется пополам. На столах инквизиции, наверное, получали подобное же ощущение, когда тело грешника растягивали специальными механизмами.

Боль быстро ушла. Мазуров, разглядывая в темноте очертание фортов, тянул за стропы, чтобы хоть как-то управлять своим падением.

Сверху форт был чуть присыпан землей, бетон был не везде виден, а башни росли из земли как фантастические грибы.

Транспорты, избавившись от балласта, резко взмывали вверх. Часть аэропланов сопровождения повторяла этот маневр, стараясь побыстрее добраться до облаков, но некоторые из них взяли курс на мост, опять сбившись в стаю. Вторые пилоты в транспортах сейчас закрывали двери в салонах, чтобы восстановить герметичность.

Несмотря на то что штурмовики были увешаны оружием, все равно они были точно голые в эти секунды, совсем беззащитные.

Первые штурмовики стали приземляться. Очень жестко они бились о железобетонные покрытия фортов, старались зацепиться за них, но ветер не отпускал парашюты и тянул их прочь, сбивал с ног, если кому-то удавалось встать. Многие и не старались встать, валялись до тех пор, пока не перерезали стропы или не успевали сбрасывать парашюты.

Они копошились как муравьи, уворачивались от летящих тряпок, в которые превратились выброшенные парашюты, бежали к массивным дверям форта, занимали позиции возле воздушных шахт и амбразур, пока еще хранящих молчание.

Мазурову оставалось до земли метров двадцать, когда он услышал пулеметную стрельбу, разорвавшую эту тишину. Она раздавалась со стороны моста, но ему надо было сосредоточиться, поджать ноги и смотреть вниз, а ему так хотелось узнать, что же творится на мосту. По звуку он определил, что стреляли австро-венгры. Почти тут же им ответили длинной пулеметной очередью с аэропланов.

Каучуковые подошвы ботинок чуть самортизировали удар, но ноги подогнулись, едва не сломавшись не только в коленках, но и еще в паре мест. Мазурова бросило вперед, лицом в железобетон, но он успел выставить руки, и весь удар пришелся по ним. Ладони засадили, он наверняка стер с них кожу, приложился к бетону коленями и левым боком. Парашют зацепился за ствол орудия, точно якорем приковав его к одному месту, и только из-за этого

Мазуров остановился, иначе его потащило бы по этой шершавой, как наждак, крыше, пока он не стер бы свое тело до костей.

Пули выбивали в фермах моста огненные всполохи, точно кто-то забрался на них и бил друг о друга кресала, чтобы разжечь огонь. Аэропланы шли на низкой высоте, едва не задевая фермы, а когда они пролетали над мешками с песком, за которыми были установлены пулеметы, то сбрасывали заостренные железные дротики. Те пробивали человеческое тело насквозь.

Не атакуй мост аэропланы, пулеметчики расстреляли бы штурмовиков в воздухе, а так им и дела не было до того, что кто-то высаживается на форт, – своих проблем в избытке.

Один из аэропланов стал оставлять за собой дымный шлейф, его закачало, будто он потерял ориентацию, ослеп и некому показать ему дорогу. Он врезался в опору моста, в одно мгновение превратившись в обломки, которые, запыхав, стали осыпаться на головы австро-венгров...

– Иприт. Где иприт? – закричал Мазуров.

Он искал взглядом воздухозаборную шахту.

На реке колыхались на волнах несколько распластанных парашютов, похожих на всплывших из глубин огромных медуз, решивших посмотреть, что же происходит на поверхности. Их медленно относил к берегу. Принадлежали ли они тем, кто высадился удачно и вовремя освободился от этой обузы, или к парашютам все еще были привязаны уже мертвые люди?

– Прочь. Прочь!

Штурмовик, задыхаясь от бега, протягивал Мазурову баллон с ипритом. Он держал его нежно, как не держат, наверное, и ребенка, боясь уронить. Приземлялся он, тоже заботясь не о себе, а о сохранности этого проклятого баллона. Комбинезон на руках штурмовика порвался, на руках были ссадины.

– Маску надень, – сказал ему Мазуров, забирая баллон.

– Ага, – сказал штурмовик и полез в сумку за противогазом.

Мазуров вскарабкался на крышу форта, нашел воздуховод, открыл вентиль на баллоне и запихнул его в шахту. Он слышал, как бьется, падая, баллон о стенки шахты. Надо было этот подарок австро-венграм сопроводить фразой наподобие: «Из России с любовью». Но не до этого. побыстрее, пока и до него не добрался иприт, Мазуров снял каску и натянул противогаз.

Многие штурмовики уже сделали это и теперь колдовали возле входных массивных дверей в форт, прилаживая к ним взрывчатку, другие заняли позиции возле пулеметных точек. Так легко было бы уже сейчас закидать их гранатами, запихнуть в дула орудий, чтобы их разворотили взрывы, но вся беда в том, что все эти пулеметы и орудия штурмовикам еще пригодятся, когда на них обрушатся австро-венгры, узнав, что форт взят русскими. С одними автоматами такое наступление не остановить. Форт нужно было захватить неповрежденным или почти неповрежденным. Но, взорви они входные двери и ворвись в форт, много ли навоеешь в его коридорах, которые австро-венгры знали наизусть, а штурмовики лишь примерно догадывались об их расположении, если еще учесть, что гарнизон почти втрое превосходил по численности атакующих?

Из-за этого Мазуров был вынужден прибегнуть к иприту, выкуривая австро-венгров из их убежища, как зверя из норы на охоте.

Из амбразур потянуло сперва отвратительным запахом, потом появились клубы желто-зеленого клубящегося дыма.

Семь сотен распухших, сведенных судорогой трупов, которые еще надо вытащить, побросать рядом с фортом, как какие-то отбросы, падаль для стервятников, иначе они начнут разлагаться, и от такого соседства в форте и вовсе будет слишком отвратительно.

Но наверняка и у них были противогазы. Вот только сколько из австро-венгров успеют их надеть.

«Идиоты, почему они совсем не следили за небесами? Думали, что находятся еще в тылу и русские придут не скоро?»

Он слышал, как глубоко под ним, под слоем железобетона воет сирена.

Один из пулеметов ожил, выпустил очередь, которая никого не задела, впилась в бетон, раскрошила его, выбивая неглубокие лунки. Штурмовик бросил в амбразуру гранату, отскочил, чтобы его не задело взрывом. Из амбразур полыхнуло огнем. Пулемет затих, но, судя по тому, что его не перекосило от взрыва, он был все еще исправен. Мазурову рассказывали, что на передовой в частях германцев, состоявших из провинившихся солдат, их приковывали к пулеметам цепями так, чтобы они не могли никуда сбежать.

Рано или поздно все равно придется взрывать эти массивные двери и идти в нору к зверю.

Пора. Иначе австро-венгры, по крайней мере те, что остались в живых, придут в себя. Но, возможно, они сейчас их сами откроют, начнут сдаваться. Куда с такой оравой денешься? Запереть их в одной из комнат на ключ или отпустить, чтобы они рассказали своему начальству, как мало русских в форте? О, этих же австро-венгров бросят на штурм форта исправлять свою провинность.

С дальнего угла форта опять послышалась пулеметная очередь, очевидно, австро-венгры старались не подпустить к форту тех, кого снесло в сторону.

Штурмовики залегли, огрызались, отстреливаясь, но попасть из автомата в амбразуру было почти невозможно. Кто-то пробежал по крыше, добрался до пулеметной точки, перегнулся так, чтобы уж точно попасть, чтобы граната угодила именно в амбразуру. После взрыва штурмовик уже не поднялся. Руки его повисли. Очевидно, что и его достало осколками.

В противогазе Мазуров не мог отдать приказ. Сколько ни кричи, в лучшем случае другие услышат какое-то хрюканье.

Он махнул рукой. Штурмовик, стоявший возле входной двери, кивнул в ответ, достал спички, но пальцы его дрожали, и он никак не мог высечь огонь и поджечь бикфордов шнур. Может, оттого, что спички отсырели?

«Быстрее», – торопил его Мазуров.

Австро-венгры пришли в себя и наверняка уже сообщили о нападении на форт, затребовав подкрепления.

Мазуров живо представил, какой разговор сейчас ведет радист в форте, связываясь со своим командованием.

– Вы атакованы? – недоуменно спрашивали у него. – Кем? Русскими? Да откуда они появились? С воздуха?

Каким бы ни было нерасторопным командование, но рано или поздно подкрепление к австро-венграм подойдет. Штурмовиков, останься они на поверхности, прихлопнут, как мух, сидящих на столе. Это совсем нетрудно сделать. Достаточно эскадры аэропланов, которая сбросит на них железные дротики. От них-то здесь и спрятаться негде.

Русские истребители все еще утюжили мост, хотя вряд ли там кто-то еще остался жив. Топлива у них хватит еще на час. Потом они вынуждены будут улететь.

Наконец шнур зажегся, по нему, искрясь, будто это праздничная гирлянда, побежал огонек. Штурмовики бросились прочь, укрываясь от взрыва. В противогазах они походили

на разросшихся до человеческих размеров насекомых с маленькими хоботками и огромными прозрачными глазами.

Штурмовики, не зная, насколько прочна дверь, подстраховались, заложив такой заряд, что он, наверное, смог бы пробить дыру и в стене форта. Дверь выгнуло, снесло с петель вместе с кусками стены. Они разлетались вокруг не хуже шрапнели, бились о железобетон, крошились, оседая пылью. Она налипла на глазницы противогаза, и Мазурову, чтобы хоть чего-то разглядеть, пришлось протирать их рукавом комбинезона.

Начальник разведслужбы Игнатьев, стараниями Мазурова заработавший себе генеральские погоны, когда узнал, что штурмовики будут высаживаться на форт, сделал все возможное, чтобы раздобыть как можно более подробные чертежи. Его агенты поработали на славу.

Вряд ли их встретят выстрелами. Если кто-то и прятался за дверью, то сейчас он либо мертв, либо корчится от ран, либо оглушен взрывом.

Мазуров, переступая порог форта, никак не мог отделаться от впечатления, что сейчас он попадет в склеп. От истины это было недалеко. Такое ощущение давило на сознание не хуже, чем железобетонные стены – шершавые и отчего-то влажные, так что, побудь здесь подольше, наверняка заработаешь ревматизм, подагру и прочие неприятные заболевания. Хуже ощущения, пожалуй, только от пребывания в подводной лодке, опустившейся на дно.

Пыль еще клубилась в воздухе, смешавшись с ипритом и создавая помехи, как при дымовой завесе, за которой не разглядишь дальше вытянутой руки. Тусклый свет сочился с потолка из двух ламп, заключенных в металлические сетки. Остальные лампы были разбиты.

Тишину продолжали разрывать звуки сирены.

Мазуров шел на ощупь, держа перед собой автомат. Он прислушивался, но в коридоре было тихо, и только за спиной слышалось сопение штурмовиков.

«Смешной звук издают эти фильтры на противогазах при дыхании», – подумал Мазуров.

Нога его наткнулась на что-то мягкое и податливое.

Стены форта задрожали, по ним прошел гул, а с потолка посыпались кусочки отслоившегося бетона. Штурмовики взорвали остальные двери.

Мазуров наклонился, чтобы получше рассмотреть, что же там валялось, но ведь он и так понял, что это. Лицо австро-венгра исказила гримаса, глаза вывалились из орбит и застыли, остекленев. Рот открылся в беззвучном крике, обнажив пожелтевшие зубы. Руками он до крови вцепился в горло, точно хотел порвать его, думая, что так в легкие наконец-то начнет поступать воздух. Его немного запорошило пылью. Он подогнул под себя ноги и из-за этого казался каким-то беззащитным и слабым, как ребенок. У него вообще не было маски. На свою беду, он не взял ее на дежурство.

Мазуров переступил через труп, но тут же набрел на другой, наступил на него, вдавливая в пол. Отвратительное ощущение – топтать мертвые тела. Этого он осматривать не стал.

«Что они у двери-то делали? Хотели открыть ее? Выбежать на свежий воздух, подальше от иприта? Выходит, дверь зря взрывали. Австро-венгры ее сами бы открыли. Но нет, они умерли, не успев это сделать».

Двух штурмовиков Мазуров оставил рядом с проходом – пусть следят, чтобы к защитникам форта не подошло неожиданно подкрепление.

Воздух потихоньку выветривал отравляющий газ. Он еще продолжал стелиться по полу, но на уровне груди его концентрация стала совсем небольшой, не так чтобы рискнуть снять противогаз, но уже хоть что-то разглядишь впереди себя.

Он уловил какое-то движение, какая-то тень метнулась там впереди.

«Началось».

Пальцы, прежде чем он смог это осознать, сами нажали на курок автомата. Ответная пуля пришлась в потолок, а потом Мазуров услышал, как падает тело. Сперва одно, потом другое. Он лишь чуть-чуть оказался быстрее.

«Нет, не дело лезть впереди всех».

Никакого страха Мазуров не испытывал. Напротив. Но он просто не имел права рисковать сам, потому что знал: случись с ним что, без него штурмовики не возьмут этот форт.

Знаками он показал, чтобы они обгоняли его.

«Здесь где-то должен быть вход в одну из башен, снятых с корабля».

Снаряды к ней подавались со склада по специальному конвейеру, наподобие того, что был изобретен Генри Фордом. Из-за этого не очень-то тут побросаешься гранатами. Сдетонируют снаряды от взрыва, и взлетишь на воздух вместе со всеми. Форт вспучит, точно под ним проснулся вулкан, и магма рвется на поверхность, а ее сдерживает только железобетон. Но Брусилов будет рад и такому исходу. Очень рад.

Теперь Мазуров бежал по коридору следом за штурмовиками. Они растекались по первому этажу, как болезнь, которая постепенно захватывает весь организм, если ее не остановить вовремя. Подошвы глухо бились о цементный пол. Под ногами клубился туман, похожий на болотные испарения, скрывающие топь. Шагнешь неосторожно, и провалишься по самый пояс, а то и с головой. Иприт просачивался на нижние этажи форта.

«Только бы не перестрелять друг друга».

Из пола рос транспортер, который подавал со склада снаряды. Здесь их перевешивали на монорельсы и распределяли по башням. И монорельсы, и транспортер были пусты.

Штурмовики притормозили, увидев железные скобы, вмонтированные в стену. Они упирались в железный люк с колесом, как на подводных лодках, которые запирают переборки в корпусе.

Мазуров медленно взобрался по скобам, ухватился за рычаг, молясь, чтобы его не блокировали с внутренней стороны, навалился, поворачивая против часовой стрелки. Колесо поддалось на удивление легко. Механизм часто смазывали и использовали. А то, что его никто не подумал закрыть, давало надежду, что сейчас в башне никого нет.

Провернув до упора колесо, Мазуров чуть выждал, прислушиваясь, хотя за металлом ничего и не услышишь, потом толкнул вверх люк, а открывая его, просунул в проход голову, опять проклиная себя за это мальчишество, потому что, будь кто сейчас в башне, он легко бы расправился со штурмовиком. Но, к счастью, никого там не было.

Мазуров ухватился за края прохода. Автомат зацепился, слетел с плеча на руку. Штурмовик подтянулся, толкнул тело вверх, упал на пол и осмотрелся.

Круглое помещение, обшитое металлом, было напичкано всевозможными механизмами. Казалось, что ты попал внутрь остановившихся часов. Мазуров никак не мог припомнить название сказки, где с главным героем происходили похожие события, вот только часы в той сказке работали. Не дай бог. И так-то ходить здесь приходилось очень осторожно, чтобы не задеть какую-нибудь шестеренку, а что будет, если все эти механизмы придут в движение? Они перемелют человека в труху.

У кораблей эта часть башни остается статичной, крутится только верхняя, с орудием. Австро-венгры все сделали один к одному, как на военных кораблях. Этак выйдет, что и орудия обслуживали снятые с кораблей матросы. Их-то переучивать не надо. Все им знакомо. Сколько же трудов они положили, чтобы притащить сюда эту башню, а она так и не сделала ни одного выстрела? Ничего. Еще успеется...

С внешней стороны ее залили бетоном. По ее высоте можно было судить, насколько толстая крыша у форта, – два с половиной метра железобетона. Даже самые мощные бомбы ее не пробьют, здесь можно чувствовать себя в относительной безопасности, пока противник не подвезет мортиры.

Следом за Мазуровым в башню ввалилось еще три штурмовика. Они озирались по сторонам, выставив вверх автоматы на тот случай, если в оружейной башне все же кто-то окажется.

Судя по дозиметрам, иприт сюда совсем не попал, но Мазуров пока не хотел рисковать и снимать противогаз. Он махнул вверх рукой, перебрал пальцами, показывая, что сейчас полезет в оружейную башню.

Штурмовики кивнули.

Откуда-то издали слышалось несколько взрывов, пулеметная и автоматная стрельба, в которой утонули одиночные винтовочные выстрелы.

«Разворошили мы этот муравейник».

Ступеньки лестницы блестели, как отполированные. Ими часто пользовались. Втягивая голову в плечи и ожидая, что вот-вот на него обрушат страшный удар, Мазуров заглянул в оружейную башню, но и здесь никого не было.

Мазуров нагнулся, знаками приказал штурмовикам подниматься.

– Останетесь здесь, – сказал он штурмовикам, когда все они сняли противогазы, – приведете орудия в боевую готовность.

Они сидели на полу, хотя возле спаренных орудий были два великолепных, крутящихся вокруг оси кресла. Но на всех их не хватило. Пахло смазкой. Мазуров стирал рукавом комбинезона выступивший на лице пот и протирал изнутри противогаз. Волосы намокли и слиплись.

– Со снарядами плохо, – Мазуров кивнул на два снаряда, покоящихся в подавателе. – Если склад не захватим, больше не ждите. Вас троих на обслуживание башни хватит. Третьему вообще работы пока не будет. Но пусть он там, внизу, караулит, чтобы люк открыть. Вы его за мной задрайте, а открывайте только по условленному знаку. Азбука Морзе – слово «штурмовик». Больше никому. Все понятно?

– Так точно, господин майор, – вяло ответили штурмовики.

– Что-то не слышу воодушевления в голосе! Вам просто повезло. Здесь курорт. Можно без противогаза ходить. Остальным-то потруднее будет.

Он вспомнил, что сейчас ему придется опять натягивать этот ненавистный противогаз.

– Следите за тем, что снаружи делается. Австро-венгры появятся – знаете, что с ними делать. Но попусту снаряды пока не используйте. Хоть это и шрапнель, но, если ничего не добудем, бейте только по крупным целям. Все, я пошел. Бог в помощь!

Мазуров выбрался обратно в коридор и еще до того, как спустился на пол, услышал, как заскрежетал, закрывающийся за ним люк, колесо провернулось, а потом его заблокировали рычагом. Если гарнизон форта перебьет штурмовиков, то те, что он оставил в башне, еще продержатся какое-то время. Может, даже до прихода основных сил. Не так-то легко будет их оттуда выкурить. Орудия-то, скорее всего, австро-венгры выведут из строя, запихнув в них по гранате, но все равно стрелять нечем. Пока нечем.

Стены сотрясались от глухих взрывов, раздававшихся снизу. Видимо, штурмовики захватили верхний этаж, и бой переместился на нижние.

«Только бы склад не подорвали. Взлетим все к чертям».

Два штурмовика тащили тело товарища, обхватив его за руки. Ноги его волочились по полу. Комбинезон на груди в нескольких местах был разорван и пропитался кровью.

«Осколками задело. Не жилец», – оценил Мазуров эти раны. Он посторонился, пропуская штурмовиков.

«Черт, из-за этого противогаза и не спросишь у них ничего».

Дверь, едва державшаяся на петлях после взрыва, вела в пулеметную точку. Мазуров заглянул внутрь. Дым еще не рассеялся. На полу лежало два мертвых тела. Здесь ему уже нечего было делать.

К стене, густо измазанной кровью, спиной привалился штурмовик. Одна из глазниц противогаза была расколота. Зазубренные стеклянные куски обрамляли красное месиво, в которое превратился его правый глаз.

Мазуров шел, подсчитывая в уме потери, которые уже понес его отряд. Трупов австро-венгров было неизмеримо больше, но все равно это капля в море по сравнению с численностью гарнизона, а каждая новая смерть штурмовика смещала баланс сил не в сторону русских.

Почти все австро-венгры так и не успели надеть маски.

По бетонной лестнице Мазуров спустился на этаж ниже, медленно ныряя с головой в слегка прозрачный ядовитый туман.

Здесь произошло то, чего он так опасался. Штурмовики вступили в рукопашную. Пусть каждый из них по физическим данным превосходил противника, но в тесном пространстве так мало возможностей использовать это преимущество!

Тела устилали пол густо, порой валяясь друг на друге в два, а то и в три слоя, тесно переплетаясь, и сделать еще один шаг, не наступив на них, было просто невозможно. Пол стал красным и очень скользким. Но отвратительнее всего было даже не это, а то, что тела копошились, как червяки в банке, приготовленной для рыбной ловли. Кто-то пробовал подняться и вновь падал, но бой уже переместился дальше, а все, кто остался здесь, были из него выброшены, как ненужные отбросы, отработанный материал, место которому даже не в госпитале, а на кладбище.

Похоже, они встретились неожиданно, и сразу же в ход пошли приклады автоматов и ружей, кинжалы с рукоятками, сделанными в форме кастета. Такой вывод можно было сделать по нанесенным ранам. Схватка была молниеносной. Она продолжалась не больше минуты-двух. Австро-венгры, несмотря на свое численное преимущество, ее не выдержали и либо откатились назад, либо никто из них в ней не уцелел.

Краем глаза Мазуров уловил движение слева от себя, отскочил интуитивно в сторону, одновременно защищаясь прикладом автомата. Граненый штык скользнул по дереву, почти не задев его. Австро-венгр вложил в этот удар всю силу, точно хотел насадить штурмовика на штык на всю его длину, как насекомое на иголку, но, когда под ногами не ровный пол, а мертвые тела, сделать это почти невозможно. Мешала этому еще и глубокая рана на плече. Чувствовалось, что ему очень тяжело держать ружье в горизонтальном положении и его все время клонило вниз.

«Где он прятался все это время?»

Сразу остановиться австро-венгр не смог, а с таким длинным ружьем ушло еще мгновение, чтобы развернуться и вновь нацелиться, – достаточно времени, чтобы нажать на курок автомата. Пули вошли австро-венгру в бок. Его чуть отбросило, ноги не нашли опоры, споткнувшись о мертвецов. Он рухнул, ударившись головой о стену, и затих.

Стрельба была все ближе.

Стены во многих местах закоптились, стали выщербленными от осколков.

Штурмовики сгрудились у лестницы, которая вела еще на этаж ниже, залегли возле ступенек, отстреливаясь и забрасывая тех, кто был ниже их, гранатами.

Похоже, австро-венгры не упускали надежды вырваться наверх, раз за разом предпринимая эти безумные атаки под кинжальным огнем. Подняться удавалось всего на несколько ступенек, после чего изрешеченный пулями труп скатывался вниз, прямо на все растущую грудку тел. Положение у них было незавидное, потому что и гранату бросить удавалось, только заплатив за это жизнью, да и то она редко долетала до штурмовиков, а случись такое,

те успевали ее перехватить и запустить обратно. Но австро-венгры все продолжали и продолжали атаковать с какой-то нечеловеческой одержимостью.

Вокруг штурмовиков образовалась импровизированная баррикада из своих и чужих мертвых тел. Пули и осколки рвали мертвую плоть, впивались в нее и разбрызгивали еще несвернувшуюся кровь, перепачкав тех, кто укрылся за баррикадой. Выглядели штурмовики ужасно. Обманчивое впечатление. Кровь-то на них была чужая. Если кто-то и был ранен, то очень легко.

«Ну когда же австро-венграм придет в голову, что надо поднять вверх руки и сдаться? Ведь они не знают, сколько человек на них напало, и не должны испытывать угрызения совести оттого, что штурмующих гораздо меньше, чем насчитывал гарнизон».

Судя по планам, которые добыл Игнатьев, на нижнем этаже располагались казармы.

Эта бойня могла продолжаться очень долго, но этого времени у штурмовиков не было, потому что вскоре следовало ожидать, что форт будет атакован, и тогда им придется воевать на два фронта, прямо как германцам. Сил на это не хватит.

В этом хаосе, когда почти все смешалось, и без противогаза-то не очень покомандуешь, а в нем тем более.

Тем временем австро-венгры затихли, перестали лезть вверх, то ли отчаялись, то ли решили прибегнуть к другой тактике.

«Надо бы у них инициативу перехватить».

Только по рисункам на каске Мазуров понял, что за главного здесь Тяжлов. Он лежал, привалившись к стене, и менял обойму в автомате. Руки у него чуть дрожали, а глазницы в противогазе совсем запотели, так что он, скорее всего, почти ничего и не видел. Мазуров и сам ощущал в своем противогазе эту отвратительную мокроту, которая вытекает из легких вместе с дыханием. С каждым вздохом ее затягиваешь обратно в нос.

Он подошел к Тяжлову, присел рядом, тронул за плечо. Узнав командира, Тяжлов хотел вскочить, но Мазуров остановил его. Ткнул в его сторону пальцем, потом вниз, показал на себя, перебрал пальцами и объяснил знаками, что хочет пробиться на склад.

Он уже отчаялся овладеть всем фортом до того, как к австро-венграм подойдет подкрепление, и, пока у штурмовиков еще были силы, Мазуров хотел во что бы то ни стало захватить склад, удержать его хоть на чуть-чуть, пока не запустят транспортер и пока они не доставят в оружейные башни хоть немного снарядов. Тогда у них был шанс продержаться.

Тяжлов все понял, закивал в ответ. Соваться вниз ему не стоило. Людей у него было слишком мало, и максимум, что он мог сделать, – это сковать как можно больше сил противника. Потом, когда Мазуров отобьет склад, они уйдут на верхний этаж, а следом за собой подорвут все лестницы, так, чтобы австро-венгры не смогли по ним подняться. Пусть сидят в своей норе и не мешают.

Мазуров ободряюще похлопал Тяжлова по плечу, улыбнулся, хотя улыбки его за фильтром штурмовик все равно не увидел, встал и отправился собирать ударный отряд. Он решил взять с собой человек пять из тех, кто попадется на пути.

Идя по коридору, оглядывая эти серые, отвратительные бетонные стены, которые давили на психику куда как сильнее, чем больничные, Мазуров начинал чувствовать приступы клаустрофобии и невольно вжимал голову в плечи, точно стены могли обрушиться на него в любую минуту.

Везде творилось примерно одно и то же. Штурмовики сдерживали австро-венгров, которые вылезали из своих нор как тараканы. Думать о том, чтобы спуститься на этаж ниже, даже не приходилось. Штурмовики откатывались от импровизированных баррикад, наваленных ящиков, трупов, разбитой мебели, наспех перевязывали свои раны, перезаряжали автоматы и опять вступали в бой.

Тяжелораненых тащили в комнату, где располагался лазарет. Хорошо, что хоть его пока удавалось удерживать. Там было полно медикаментов и медицинской техники, так что надобности в запасах у штурмовика, исполнявшего обязанности лекаря, не было, но у него было слишком много работы, и она прибавлялась гораздо быстрее, чем он успевал справиться с предыдущей.

Весь перепачканный чужой кровью, точно его окатили ею из ведра, он орудовал скальпелем, вытаскивая осколки и пули, штопал порванную кожу, а к лазарету подносили все новых и новых пациентов и сваливали возле входной двери, как мешки. Конвейер, скорость которого превосходит человеческие возможности.

Иногда лекарь обходился без обезболивающего. В таких случаях раненому дают деревяшку, чтобы он зажал ее челюстями, или стакан водки, но как все это сделаешь, когда на раненом противогаз? Лекарь слышал приглушенные противогазами стоны, чувствуя себя при этом каким-то монстром, мучающим людей.

Штурмовики начинали выдыхаться.

«Мы теряем инициативу...»

Мазуров видел, как они глубоко дышат, хотят напиться воздуха, но через фильтры его проходит слишком мало, и он нечистый, его не хватает, но легкие требуют еще и еще, а от кислородного голодания в них начинают втыкаться иголки.

«Черт, черт, черт!»

Черные пятна копоты покрывали стены. Их избороздили глубокие пробоины.

Мазуров пропотел под противогазом, точно искупался. Резина прилипла к лицу и волосам. Под ней все хлюпало, пот навис на бровях, а на губах ощущалась соль. Он чувствовал, как здесь жарко. Автоматы должны уже так нагреться, что жгут ладони. Скоро они начнут давать осечки, патроны будут застревать в стволах, но повсюду было разбросано много другого оружия, уже ненужного прежним хозяевам. Остывшее оружие остывающих хозяев.

Австро-венгерские винтовки заботливо сложили друг на дружку. От этого они походили на вязанку веток, приготовленных для очага. О, такого добра здесь и вправду можно было найти в избытке. Возле них стоял штурмовик, опираясь спиной на железную дверь, выкрашенную блекло-серой краской, местами отслоившейся и вздувшейся пузырями. Он вздрагивал от взрывов и поглядывал по сторонам, сжимая в руках автомат. Дверь была закрыта на массивную щеколду.

«Что там?» – спросил Мазуров знаками у штурмовика.

«Пленные», – показал он в ответ.

«Сколько?»

«Пятнадцать».

Мазуров кивнул. О количестве пленных он мог бы и не спрашивать, а узнать, сколько их, подсчитав винтовки.

Вскрыть изнутри дверь пленные все равно не смогут, так что нет надобности штурмовику здесь стоять. Мазуров поманил его за собой. Что появилось после этого жеста в глазах штурмовика, он не рассмотрел, но штурмовик приказание выполнил с воодушевлением – ему совсем не нравилось охранять пленных и подпирать своим телом дверь.

Встречая командиров подразделений, Мазуров объяснял им, что ему нужно захватить склад, и просил выделить для этого людей. Каждый человек был на вес золота и даже дороже, потому что ситуация на лестницах была патовой и могла легко склониться в сторону австро-венгров, если штурмовиков, мешавших им подняться на этаж, станет чуть меньше.

Мазуров видел, насколько неохотно ему отдавали людей, но он не мог снять целое подразделение, потому что все уже завязли в локальных боях. Если прежде и был какой-то резерв, то теперь все валялись на этом полу и отстреливались. Хорошо еще, что, прежде чем это произошло, они смогли захватить два этажа из трех.

Четырех штурмовиков он отправил на верхний этаж к монорельсам.

«Разгружайте транспортер», – объяснил он им, как смог.

Переспрашивать они не стали.

Ему самому не нужно было много людей. Мазуров взял с собой пятерых, как и хотел. Но хватит ли их, ответить нельзя до тех пор, пока он не поймет, насколько хорошо охраняется склад. Чтобы войти в него, придется спускаться на этаж ниже под шквальным огнем. Затея заведомо невыполнимая.

Мазуров решил попытаться проникнуть на склад через транспортер, благо снаряды, которые он подавал, были большого калибра и зазор в стене позволял пролезть через него не слишком упитанному человеку. Мазуров гонял своих людей, так что если избыток веса в ком-то и был, то давно исчез. Вот смешно-то будет, если австро-венгры услышат, что кто-то лезет через транспортер, включают его или обступят со всех сторон и гостеприимно встретят пулями тех, кто решил воспользоваться этой дорогой. Тогда ситуация будет чем-то напоминать ту, что приключилась с волком, который решил через дымоход взлезть в домик одного из трех поросят.

«Вы тут пошумите», – приказал Мазуров штурмовикам, засевшим за ближайшей к складу лестницей.

Они ничего не поняли, стали гадать, что же задумал командир, но тот все им пояснил.

«Атакуйте, если нас заметят, отвлеките их на себя».

«Может, сразу атаковать?» – предложил командир отделения.

«Нет, не стоит», – Мазуров не хотел посылать их сразу же на верную смерть.

Он еще бы смог пробраться в узкую щель транспортера, но беда в том, что этому мешали зажимы, которые предназначались для снарядов. Они глухо закрывали проход. Сквозь щель между зажимами и полом он видел нижний этаж, а нагнувшись, смог бы даже разглядеть сложенные там снаряды, смазанные маслом, но человек сквозь эту щель не пролезет.

Мазуров все-таки нагнулся, прислушался, что творится под ним, но различал только собственное дыхание, противное сопение, будто у него насморк. И все-таки ему показалось, что на складе никого нет. Или он убедил себя в этом?

Он предвидел похожую ситуацию и прихватил с собой на эту операцию автогенный резак, который так любят использовать грабители, вскрывая сейфы. Конечно, он мог заложить здесь бомбу, рвануть транспортер и разворошить дыру до таких размеров, что в нее провалится кто угодно, вот только тогда на этот шум сбегутся все, кто поблизости, да и снаряды тогда придется вытаскивать руками, а они ой какие тяжелые...

Один за другим последовало несколько взрывов. Они накладывались друг на друга, поэтому невозможно стало различить, когда затихал один из них и начинался другой. Штурмовики на лестнице стали шуметь, как он и просил их. За этими взрывами никто их не услышит.

Мазуров сел на колени, достал из рюкзака резак, повернул вентили, выпуская газ, поджег его. Синее пламя походило на оживший металл. Оно завораживало, казалось холодным, а поэтому появлялась маниакальная мысль поднести к нему пальцы и потрогать, ведь ничего с ними не случится...

В своей жизни Мазуров не раз вскрывал сейфы, не в банках, конечно, но неизвестно, что тебе может пригодиться во время операции, так что его опыту мог позавидовать любой медвежатник. Но там-то металл был бронированным, а на транспортере мягким, и он поддавался резаку, как масло поддается горячему ножу, совсем не сопротивляясь.

Края разреза покраснели. Металл нагрелся, но не очень сильно, и когда Мазуров схватил зажим, чтобы не дать ему свалиться вниз, то почти не обжег пальцев. Вырезанный зажим

он положил на пол, не вставая с колен, посмотрел на штурмовиков. Те окружили его и внимательно наблюдали за всем, что Мазуров делает, будто в этом было какое-то таинство.

Он ждал, пока края разреза остынут. Они на глазах темнели. Если полить их водой из фляжки, то они остынут еще быстрее, но вода зашипит и может его выдать, хотя штурмовики там, на лестнице, так шумели, что, вылей он на транспортер водопад, и этого австро-венгры не заметят. Воду только жалко. Сколько им еще здесь сидеть? А систему водоснабжения контролировали те, кто был на нижнем этаже.

«Ну, с богом».

Мазуров, перекинув ремень автомата на плечо, спускался спиной к транспортеру, уперся в него, задевая грудью пол.

«Только бы не застрять здесь, а то придется штурмовикам вытаскивать его, как репку с грядки в той сказке, где за нее ухватились и дед, и бабушка, и внучка, и Жучка».

Сперва Мазуров опирался руками о пол, медленно погружая в щель тело, потом нащупал ногой следующий зажим, перенес на него вес тела и чуть передохнул, размышляя, как же ему получше протиснуться.

Он согнул ноги в коленях. Они уже были по ту сторону пола, на поверхности остались только руки, плечи и голова. Мешал хобот противогаза, но самое плохое было в том, что каска никак не пролезала в щель, как он ни вертелся, задевая ее краями то за пол, то за транспортер. От этого натягивались ремешки, удерживающие каску на голове, и вдавливались в кадык, перекрывая и без того скудный источник воздуха.

Мазуров сейчас напоминал обезьянку, которая засунула лапку в тыкву, где охотники спрятали рис, сжала ее, захотела вытащить, но кулачок все никак не проходит через узкую дыру. К счастью, штурмовики без лишних жестов поняли его, подскочили и отстегнули каску, а он-то вообразил, что они, чтобы помочь ему, сейчас начнут пихать его ногами, пока не расплющат каску и пока она наконец не втиснется в щель...

Мазуров сел на зажим, одной рукой все еще держась за край пола, просунул голову в щель и осмотрелся. Он висел на высоте четырех метров, и если бы прыгнул, то никакие амортизаторы в ботинках не спасли бы его от вывиха или даже перелома.

Сколько здесь снарядов – и не сосчитать, потому что многие хранились в деревянных ящиках, уложенных вдоль стены в несколько рядов на стеллажах. Некоторые были вскрыты, и тогда становилось видно, что снаряды в ящиках присыпаны опилками. Другие уже уложили на транспортер. Они лоснились от смазки.

Мазуров уперся локтем в зажим, изогнулся так, чтобы перевернуться лицом к транспортеру, сместился на его край, а когда ему это наконец-то удалось, спускаться стало так же легко, как по приставной лестнице.

На его счастье, австро-венгров на складе не было. Дверь была закрыта, она чуть сотрясалась от взрывных волн, проносящихся по подземелью по другую ее сторону. Мазуров подскочил к ней, повернул колесо, блокируя его и заклинивая дверь.

Теперь можно было перевести дух, но не стоило расслабляться, потому что через несколько минут, когда заработает транспортер, австро-венгры поймут, что русские захватили склад, и попробуют его вскрыть. Правда, дверь казалась массивной и надежной. Чтобы снести ее, потребуется приличный заряд.

Мазуров смотрел, как в щель протиснулись ноги в ботинках на рифленой подошве, следом за ними показался и сам штурмовик. Осторожно балансируя, чтобы не свалиться, он огляделся, увидел Мазурова, понял, что все в порядке, и теперь был всецело занят только спуском.

Впрочем, о том, что майору удалось без проблем проникнуть в подвал, судить можно было хотя бы по тому, что выстрелов штурмовики не слышали, а убрать их командира холодным оружием, да еще бесшумно, австро-венграм вряд ли удалось бы.

Тем временем Мазуров подбежал к сложному сооружению, которое, скорее всего, и было двигателем, запускавшим транспортер. Когда он разобрался с его управлением, возле уже стоял штурмовик, ожидая приказаний. Мазуров указал ему на стеллажи со снарядами ящиками. Штурмовик кивнул. Там для погрузки тоже должен использоваться какой-то механизм, ведь не могли же австро-венгры вручную доставать ящики с верхних ярусов, слишком они тяжелые, и нужны усилия трех-четырех человек, чтобы их хотя бы от стеллажа оторвать. Взорваться-то они не взорвутся, если их уронить, но мороки с погрузкой не оберешься.

На склад пробрался весь ударный отряд, для этого пришлось избавиться от касок. Штурмовики не озаботились взять их с собой, хотя каски пролезали сквозь щель, если их развернуть боком.

«Ладно, черт с ними. Но могли бы догадаться».

Двигатель глухо загудел, завибрировал на бетонном постаменте, к которому был приделан мощными болтами. От него потянуло теплом и маслом. Мазуров отчего-то этот запах уловил, хотя фильтр его не пропускал иприта и, казалось бы, должен задерживать и все остальное, куда как менее опасное для человека. Судя по дозиметру, иприта на складе не было. То ли он сюда не дошел, то ли вентиляционная система уже очистила от него воздух. Но тогда на верхних этажах его и вовсе не должно остаться.

И все же Мазуров не решился еще снять противогаз, хотя искушение было так велико. Он прямо с ума сходил от пота, заливающего лицо, думая, что примерно такие же чувства должен испытывать человек, которого обрекли на пытку водой, когда на его лоб каждую секунду падает новая капля, и от этого ожидания быстро лишаешься разума.

Стеллажи конструкцией своей напоминали обычный обувной шкафчик, очень распространенный в семьях простых обывателей, правда, увеличенный и сделанный из металла, а не дерева. Видимо, отсюда и позаимствовали технологию. Рычагами верхние ярусы перемещались вниз, прямо к началу транспортера, а другие рычаги помогали извлечь из ящиков снаряды.

Штурмовики быстро разобрались в действии этих нехитрых механизмов. Обернувшись, Мазуров видел, как колдуют над ними штурмовики, водружая на зажимы первые снаряды.

«Отлично, отлично», – мысленно подбадривал он штурмовиков, а они, точно смогли услышать то, что творится у него в голове, заработали воодушевленное.

Транспортер дернулся, заскрипел, пополз вверх, как плоская, неизвестная науке змея.

Так и хотелось разбить о первый снаряд бутылку с шампанским, как делают это, когда спускают со стапелей новое судно, чтобы ходилось ему по морям и океанам долго и счастливо. Будь бутылка под рукой, Мазуров не пожалел бы ее для такого случая. Он провожал снаряд взглядом, пока тот не скрылся в щели.

Штурмовики, отложив автоматы, точно на конвейере работали, опорожня ящики, выбрасывали их прочь, пихали в стороны, чтобы не мешались под ногами. Они вспотели, мокрые пятна проступили на подмышках, руки их все были в смазке, но времени оттирать от нее еще и снаряды совсем не было.

Мазуров заметил, что инстинктивно штурмовики утирают руками лбы, но как же сотрешь с них пот, когда они закрыты резиной противогазов?

Гора пустых ящиков и опилок все росла, постепенно заполняя весь пол...

Мазуров почувствовал, что пол задрожал, стал каким-то непрочным в одну секунду, будто сделали его не из бетона, и под ним была не земля, а пустота. По стенам прошел противный гул, и создалось ощущение, что ты находишься в бочке, по которой кто-то вздумал

колотить дубиной. Уши заложило, в них на какое-то время остался только звук бегущей по венам крови.

Мазуров невольно присел, бросил взгляд на дверь. Она деформировалась. Ее чуть выгнуло внутрь, но тем самым еще больше заклинило. По ее краям из стены вывалились большие куски бетона, но дверь еще прочно сидела в проеме. Мазуров так и не понял, когда австро-венгры обнаружили, что она закрыта изнутри. Стучались ли они в нее, пробовали ли открыть – он не знал, а слышал только, как они попробовали ее выбить направленным взрывом. Но они не рассчитали и заложили слишком слабый заряд, то ли думая, что его будет достаточно, то ли опасаясь, что из-за более мощного заряда сметонируют снаряды и тогда на воздух взлетят не только русские, но и все, кто находился поблизости. От такого взрыва их не просто разорвет на куски, они все превратятся в инертный газ, полфорта и его стены разрушатся, а здесь, внутри него, будет зиять огромная, на пару этажей, пещера. Если бы они узнали, что на складе почти не осталось снарядов, то не стали бы церемониться.

Штурмовики остановились и тоже смотрели на дверь, будто от их взглядов она станет прочнее и не вывалится после очередного взрыва. Им осталось перебросить на транспортер еще с десяток ящиков.

«Быстрее, быстрее. Не останавливайтесь», – подбодрил их знаками Мазуров.

Штурмовики заработали с удвоенной энергией, точно совсем не устали.

Сам же Мазуров отошел подальше от двери, приготовил автомат на тот случай, если австро-венгры ее вышибут и сунутся внутрь.

Вряд ли второй взрыв был сильнее предыдущего, просто теперь этим занимался кто-то более опытный. Он заложил заряды в тех местах, где в стену уходили блокирующие рычаги. Вначале Мазурову показалось, что дверь не выдержала, ее окутал дым, но он все же не услышал, как она упала, а когда дым стал рассеиваться, то увидел, что дверь стоит на прежнем месте, едва удерживаясь погнутыми зажимами. Ногой-то дверь не выбьешь, но третий заряд, даже самый маломощный, точно снесет ее, а это произойдет спустя считанные минуты.

Штурмовики возились с последними ящиками.

«К чертям их! И так уже набрали много. Хватит. Не стоит рисковать из-за нескольких снарядов. Погоды они уже не сделают».

Мазуров приказал штурмовикам прекратить работу, показал на транспортер.

Штурмовики по очереди схватились за зажимы. Транспортер понес их вверх. Ощущение было такое, будто ты катаешься на каком-то аттракционе.

Дверь выбило, когда Мазуров почти выбрался со склада. Его ноги окатило теплой волной, чуть подталкивая. Он вывалился на пол, подполз к щели, слыша, как на складе затопали ноги. Самое время бросить туда гранату, но он не хотел еще выводить из строя транспортер, ведь от взрыва его заклинит и тогда придется тащить снаряды вручную, искать где-то тележки, потому что иначе доставить их к монорельсам будет очень тяжело.

Австро-венгры быстро догадались, каким образом русские проникли на склад, странно, что такая же мысль не пришла к ним пораньше, ведь тогда они и сами могли воспользоваться этим путем, чтобы пробраться на этаж выше, а не штурмовать бездумно лестницы, неся большие потери.

Каски сиротливо лежали на полу внутренней частью вверх, чем-то схожие сейчас с котелками для еды, брошенными слишком быстро бежавшими хозяевами. От этой мысли у Мазурова заурчало в животе, и он подумал о том, что давно не ел и в желудке у него ничего не осталось. Но, вместо того чтобы рыскать по карманам и искать там плитку, наверное, уже растаявшего шоколада, он водрузил себе на голову каску. С ней стало как-то комфортнее, то ли от чувства безопасности, то ли по другой причине. Его примеру последовали и остальные штурмовики.

Он ждал, когда из щели появится первый гость, заранее зная, что эта встреча будет походить на охоту на куропаток, когда загонщики направляют зверя прямо на тебя и остается только спустить курок, ведь с такого расстояния промахнуться просто невозможно.

Австро-венгр чуть замешкался, поздно сообразив, что с каской в щель он не пролезет, но наконец-то над полом появилась его макушка, потом и вся голова в противогазе. Увидев Мазурова, сидящего всего в метре от него, он судорожно попробовал вытащить еще и ружье, но не успел бы это сделать, пусть даже оно и не застряло. Глаза их встретились, и через стекло противогаза австро-венгр прочитал, что его ждет. Он оцепенел на какую-то секунду, рука его все пыталась протолкнуть в щель ружье, а над поверхностью даже появился ствол, когда Мазуров нажал на курок, предварительно поставив автомат в режим одиночных выстрелов.

Левая стеклянная глазница разлетелась в куски, превращая все, что находилось под ней, в кровавое месиво. Крови почти не выступило. Вся она осталась под противогазом, лишь по краям испачкав разбитую глазницу. Голова австро-венгра дернулась назад, ударились в транспортер, потом поникла, тело обмякло, и если бы транспортер не двигался, то оно свалилось бы вниз, но тот продолжал вытягивать его на поверхность. У австро-венгра согнулись ноги, стали елозить по краям щели. Шершавый бетон разорвал на коленях брюки, а потом принялся и за сами колени, стерев их чуть ли не до костей, так что, когда тело вывалилось на пол, оно было так изуродовано, будто над ним потрудился опытный палач.

Это было обычное убийство. Расстрел безоружного человека.

На полу стало натекает кровавое пятно, струйки крови добежали до щели и закапали вниз.

У Мазурова было противно на душе, когда он смотрел на мертвого австро-венгра.

Нечестно все это.

Но ведь время рыцарских поединков миновало даже раньше, чем исчезли сами рыцари в красивых и блестящих доспехах, и только пилоты аэропланов в воздушных поединках следовали каким-то правилам, которые никто из них не писал, но отчего-то каждый из них верил, что они существуют. Должны существовать.

Его выстрел услышали внизу. Австро-венгры наверняка догадались, какая участь постигла их товарища, сгрудились возле транспортера за какими-нибудь укрытиями, чтобы их не достали сверху, и стали обстреливать щель из ружей. Какие-то пули рикошетили от транспортера, падали обратно, другие бились в потолок, но Мазурова они достать не могли.

«Вряд ли они полезут еще, а если и полезут, то не сейчас. Придумают что-нибудь».

Он подумал, что сам бы предпринял в подобной ситуации. Наверное, пустился бы наутек, подальше от транспортера, потому что в щель могут запустить гранату, но то же самое могли сделать и те, кто находился внизу, поэтому Мазуров внимательно следил за тем, что выносят со склада зажимы.

Будь он менее внимательным, наверняка бы упустил из виду, что на одном из зажимов лежала граната, да и до времени, когда она должна взорваться, остались секунды.

Рука его дернулась к гранате сама, еще до того, как мозг сумел проанализировать увиденное и дать команду телу. Он сорвал гранату с зажима, обмирая от мысли, что она сейчас взорвется, бросил ее вниз, откатился в сторону, чтобы увернуться от пуль. Те его не задели, только выбили дробь на потолке и осыпали бетонной крошкой.

Рвануло спустя секунду, а может, и раньше, но, видимо, граната попала на следующий зажим, потому что взрыв произошел под самым потолком, времени-то было достаточно, чтобы она упала на пол.

Он почувствовал этот взрыв своим телом, услышал, как осколки бьются о потолок, визжат, врезаются в стены, разбрасывают в разные стороны пустые ящики и людей. На такой высоте над полом у них должно быть чудовищное поражение. От них нигде не укрыться, и

все, кто был на складе, получили свою порцию осколков. Мазуров знал, что слишком долго тянул и чуть не попался в ловушку, подстроенную для него австро-венграми. Так нельзя больше поступать.

Транспортер протащился еще несколько сантиметров по инерции, заскрипел и замер. Из щели появился разорванный край. Осколки, видимо, еще и сломали двигатель.

Австро-венгры стояли слишком близко к транспортеру, и после взрыва от многих из них остались лишь куски мяса, разорванные куски, по которым не сразу и поймешь, что это именно человеческие останки.

Мазурова от такой картины передернуло, поначалу он хотел бросить в щель еще одну гранату, но передумал, услышав, что внизу кто-то стонет от боли. Судя по звукам, раненый пробовал ползти, размазывая по бетону свою и чужую кровь. Совсем бесчеловечно было бы бросать туда гранату и добивать этого несчастного. Итак, Мазуров за сегодня совершил столько преступлений, что его душа никогда не попадет в рай, а если сам он попадет в плен к противнику, то они не должны с ним церемониться, и единственное, что его ждет, – смерть. Вряд ли легкая – от пули, скорее на виселице.

Все снаряды, что они переправили со склада, были уже на верхнем этаже. Теперь им будет чем отражать внешнюю атаку. Она должна вот-вот начаться. Штурмовики находились в форте уже почти час. Вряд ли австро-венграм понадобится больше времени, чтобы поднять по команде ближайшую часть и отправить ее на вызволение гарнизона форта.

«Останьтесь здесь», – приказал Мазуров.

Он не стал пояснять, что штурмовики должны следить за тем, чтобы через эту щель не выбрались австро-венгры. Все и без знаков понятно.

«Взрывайте все к чертям», – показывал Мазуров штурмовикам, проходя по этажу, и слышал, как за его спиной содрогаются стены, рушатся лестничные перекрытия, погребая под собой тех, кто находится на нижнем этаже.

Жаль, что ему так и не удалось справиться с их сопротивлением, но и то, что удалось, казалось чудом, и вышло так только оттого, что напали они неожиданно. Австро-венгры не ожидали их, и, пока штурмовики высаживались, вышибали двери и травили гарнизон ипритом, противник просто спал, а когда он пришел в себя, было уже поздно.

Становилось страшно от мысли, сколько сейчас на нижнем этаже задохнувшихся. Ведь иприт просочился туда и задушил их гораздо быстрее, чем они успели воспользоваться противогазами. Горы так и непроснувшихся мертвецов. Не дай господь увидеть это зрелище наяву, да и в кошмарном сне – тоже.

Мазуров не имел возможности выстроить своих людей и подсчитать, сколько их осталось, но выходило, что безвозвратные потери – убитые и тяжелораненые – составляли не менее сотни человек. Половине из тех двух сотен, что еще были в строю, он приказал отражать атаки австро-венгров. Те наверняка, когда придут в себя, попробуют опять вырваться из ловушки, подорвут ли пол в нескольких местах, соорудят ли приставные лестницы – кто их знает? Но спокойной жизни от них ждать не приходилось. Они явно активизируются, когда узнают, что подошла помощь и русские сами оказались в ловушке.

Остальные полезли наверх. Штурмовики занимали позиции за огневыми точками и в орудийных башнях.

Эти последние минуты, когда еще можно было выбраться из форта, не опасаясь, что тебя тут же настигнут пулями и осколками, Мазуров использовал, чтобы до помутнения рассудка напиться чистым воздухом. Он стоял в пустом проеме, сняв с себя ненавистный противогаз, утирал пот со лба и дышал, дышал, дышал.

Голова начинала кружиться. Ветер приятно обвевал кожу на лице.

Купола башен блестели от осевшей на них влаги. Мазуров пожалел, что дождь закончился. Он с удовольствием подставил бы под него лицо. Только сейчас он понял, что горло пересохло, а на губах – корка крови. Мазуров отстегнул от пояса фляжку, несколько раз глотнул, почти захлебываясь.

С востока шел непрекращающийся гул, далекий, как громовые разряды в небесах, которые, профильтровавшись сквозь облака, стали совсем слабыми. Там все багровело, будто наступал рассвет, но для восхода солнца еще было слишком рано. Он наступит спустя два часа. А там – на востоке – артиллерия Брусилова смешивала с землей укрепления австро-венгров...

4

Предвидя, что впереди его ждут очень напряженные дни и времени для сна почти не будет, Брусилов накануне наступления спать все же не ложился.

– В гробу отосплюсь, – отмахивался он от адъютанта, который настоятельно просил командующего отдохнуть хоть часок.

– Полноте вам, Алексей Алексеевич, вы еще меня переживете, – говорил адъютант, годившийся генералу во внуки.

– Лыстец.

Впрочем, спать действительно не хотелось, и даже сними он сейчас мундир и попробуй сомкнуть глаза, расположившись в кровати, все равно бы мучился от бессонницы и только себя б извел.

«Годы, наверное».

Но у других в таком возрасте, да еще если учесть, что пришлось ему испытать за свою жизнь, в такую погоду начинает ломить все тело, а он по-прежнему бодр и подтянут. Радоваться надо. Но Брусилов отчего-то волновался и сам не понимал причины этого. Ведь за эту войну он и наступал, и отступал уже не раз, мог бы уже привыкнуть к этому и воспринимать все более спокойно, не так близко к сердцу. К тому же механизм, запущенный им, будет работать помимо его воли и независимо от того, спит он или бодрствует. Артиллерия фронта обстреляет австро-венгерские укрепления на многих участках фронта, а потом на них двинутся десятки тысяч солдат и сотни танков, которых с воздуха будут прикрывать армады аэропланов. Пройдет не один час, прежде чем наступит время вмешаться в события и ему.

Он думал о штурмовиках, которые отправились в форт, и хоть внушал себе, что известий от них ждать не стоит, что вся операция обречена на провал, все равно никак не мог отделаться от мыслей, что все еще может получиться, – они походили на какие-то детские мечтания о чем-то несбыточном, но вполне осуществимом, если очень этого желать.

Зря он на что-то надеялся. Разочарование с каждой минутой росло. Он совсем отчаялся, когда пришло время для артиллерийской подготовки.

«Ну что же, я на них и не рассчитывал».

Он вышел на улицу и смотрел, как там, на западе, все пылает, озаряясь до небес красными всполохами, будто там тонет, да все не может утонуть солнце, которое должно уже было исчезнуть несколько часов назад. Он сам провожал его взглядом.

Ветер доносил бесконечный, непрекращающийся гул, похожий на предвестника кошмарной бури, которая сметет все, что попадется на ее пути. Не стоит ее опасаться. Ведь этот огненный вал идет на запад.

– Шифровка от штурмового отряда.

Из-за гула Брусилов поначалу не разобрал слов, потому что они тоже казались частью этого гула, обернулся на голос. Рядом стоял адъютант, протягивая листок бумаги.

– Что там? Читай.

– Форт полностью захватить не удалось, – адъютант остановился, точно не мог разобрать слов.

– Я так и знал, – кивнул Брусилов.

– Они взяли два верхних этажа и все орудия, – в голосе адъютанта появилось удивление, – готовятся к отражению атаки. Просят поддержки с воздуха.

– Хм, что ж ты сразу о главном не сказал, ротозей? Что значит – форт не взяли полностью? Если они захватили орудия, то они взяли этот чертов форт! Пусть шифровальщики сообщат им, что поддержка с воздуха будет, я распоряжусь поднять в воздух эскадру Стра-

хова, и сообщи Деникину, чтобы поторопил свою «Железную» дивизию. В его же интересах поторопиться! Не думаю, что штурмовики долго продержатся...

В санитарной комнате для всех раненых места не нашлось. Их пришлось отнести на этаж выше, ведь большинство из них самостоятельно передвигаться не могли, и в том случае, если австро-венгры все-таки вырвутся из каменного мешка, раненые штурмовики будут совсем беззащитны. Их перебьют за несколько минут. Даже если им оставить оружие, они не смогут сопротивляться.

«Мы потеряли инициативу, – думал Мазуров, – теперь главное – удержать то, что уже захватили».

Иприт выветрился. Раненым сняли противогазы, хоть как-то облегчив страдания, но они держались стойко, почти никто не стонал, а если и слышались стоны, то это только от тех, кто уже впал в беспамятство и не мог себя контролировать, до крови прикусывая губы, чтобы с них не сорвался крик боли. Живым-то тоже сейчас несладко, забот множество – забрать боеприпасы у мертвых штурмовиков, а то свои уже на исходе, приготовиться к отражению атаки...

Кого-то перевязывали, а то кровь все никак не хотела останавливаться, проступая через бинты, другим смачивали пересохшие губы, кололи обезболивающее, пока на это еще было время. Начнется атака – о раненых совсем забудут, принесут новых и положат рядышком.

Бетонный пол был холодным. Полежишь на таком с часок – совсем окоченеешь, кровь начнет стечь в жилах, уйдет боль, как от анестезии, а вместе с ней и жизнь. Под тела подложили одеяла, найденные в одной из комнат, и ворохи одежды, снятые с мертвецов.

Верхний этаж стал напоминать осажденный госпиталь. Над головами, над многометровой толщей воздуха и бетона, там, где-то на поверхности, рвались бомбы, осыпая ее осколками, как каплями дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.